

Г. Х. ШАХНАЗАРОВ

С вождями и без них

<Фрагменты>

С 1982 по 1985 год в Советском Союзе умерли три лидера. Повсюду в мире, если вывешивают окаймленные черной полосой флаги и передают по радио траурный марш Шопена, люди спрашивают: кого хоронят? У нас за эти три года приучились спрашивать: кто председатель похоронной комиссии? Не думаю, впрочем, чтобы подавляющую массу советских людей особенно волновало, кто станет очередным Генеральным секретарем ЦК партии и властителем их судеб. Все знали, что место это пусто не останется, его, разумеется, займет один из нынешних членов Политбюро, и полагали, что от этого не будет ни хуже, ни лучше. Поначалу новый лидер чего-нибудь сочинит, чтобы приобрести популярность и показать характер, а там все войдет в свою колею, как не раз бывало. Так что и надеяться на перемены, и бояться их нет оснований. И только сравнительно небольшое число людей в столице Союза и в главных городах республик, имевшие доступ к кабинетам и коридорам здания ЦК на Старой площади, осведомленные о реальном положении дел и знавшие, хотя бы по кулуарным слухам, кто может претендовать на пост генсека, только эти люди отдавали себе отчет, что речь идет не об обычной рутинной процедуре, а об очень серьезном выборе, поворотном моменте в жизни страны. Но едва ли кто-нибудь из этих знающих людей, даже самых проникательных, мог предположить, каким резким и глубоким окажется этот поворот. Думаю, в 1985 году и прогрессистам, вынашивавшим замысел глубокого преобразования системы, и консерваторам, полагавшим, что она нуждается в косметическом ремонте, и непримиримым ее врагам, желавшим ей поскорей сгнить, только во сне (для кого кошмарном, а для кого радужном) могло представиться, какой станет страна к концу правления Горбачева. Тогда же общество страстно хотело одного:

чтобы во главе партии встал наконец молодой, энергичный человек. В составе Политбюро такой человек был, и симпатии всех на нем сосредоточились.

Горбачев был избран не потому, что на него указал Андропов в своем устном завещании, переданном через Аркадия Вольского Центральному Комитету. Как известно, с этим завещанием поступили так же, как в свое время с ленинским, — просто скрыли, вычеркнув соответствующую фразу из доклада на пленуме ЦК. И не потому, что коллеги признали в нем бесспорного лидера — в кругу сановных вельмож каждый считает себя подходящим претендентом на роль вождя, если, конечно, нет такого, кто возвышался бы на голову, заведомо обеспечил себе первое место своими прежними деяниями, как Наполеон среди генералов или Ленин среди большевистских вожаков. Таких подвигов за спиной у Горбачева не было. Не выделялся он среди коллег ни выдающимися достижениями в бытность секретарем Ставропольского крайкома, ни успехами на первоначально порученном ему участке руководства сельским хозяйством, ни тем более чем-нибудь заметным в области идеологии и международных отношений, которую он получил по наследству от Черненко на какие-то полтора года.

Горбачев был избран, потому что такова была воля не признаваемого официально, но реально существовавшего общественного мнения. Людям отчаянно надоело участвовать в позорном фарсе, который разыгрывал в течение многих лет своего правления пятизвездный Герой Советского Союза и Социалистического Труда. Лицедреть вождей с трясущимися головами и выцветшими глазами. Думать, что этим жалким полупаралитикам доверены судьбы страны и половины мира. Видеть ежегодные похороны, которые, что само по себе кощунственно, проходили уже в атмосфере не скорби, а откровенных издевок.

Одного этого было достаточно, чтобы категорически отвергнуть возможность избрания очередного старца. Ну а помимо того молва распространила сведения о Горбачеве как незаурядной личности, способной пробудить сонное царство, вдохнуть новую энергию в наш дряхлеющий партийно-государственный механизм.

И конечно же, немалую роль сыграла его харизматическая внешность. Умное, улыбчивое лицо с правильными чертами и выразительными глазами (за годы общения мне приходилось видеть Михаила Сергеевича усталым, невыспавшимся, больным, но никогда взгляд у него не был потухшим), с родовым пятном на лбу, как впечатляющем знаке избранности. Ладная, чуть полноватая, но подтянутая фигура. Уверенная манера держаться. Открытость и доброжелательность в сочетании с умением придать себе, когда

надо по ритуалу и обстоятельствам, строгий, властный вид. Словом, он весь соткан из обаяния, и этого было достаточно, чтобы с первых появлений на экране и на улице завоевать симпатии. К тому же несколькими хорошо рассчитанными шагами он с самого начала показал себя лидером, близким простому народу (поездки в Ленинград, Киев, на московские заводы и в подмосковные колхозы, на Дальний Восток, Север, Урал, в родные южные края, в некоторые республики).

Правильными были и первые крупные начинания в политике, в особенности ставка на ускорение научно-технического прогресса <...>.

От первых робких попыток изменить закостенелый политический порядок и засилье милитаризма Горбачев переходил к действительно глубоким реформам. И увертюрой к ним, как это было во всех подобных случаях, стала свобода слова <...>.

С первых дней своего прихода к власти Горбачев начал взламывать эту непроницаемую завесу секретности. Достаточно осторожно, отдавая себе отчет, что слишком большие порции правды могут оглушить общество, а узнай оно сразу обо всем, что творилось, стал бы неминуем взрыв народной ярости. Поэтому сперва ограничились небольшими дозами достоверных или по крайней мере приближенных к истине сведений. Причем по каждому конкретному случаю принималось решение ЦК. Оглашать данные, находившиеся прежде под запретом, поручалось, естественно, только самому генсеку — ведь всякая новая информация была, как принято говорить, изюминкой, украшавшей очередное выступление и привлекавшей пристальное внимание дома и за рубежом. Очень скоро о Горбачеве стали говорить как о поразительно откровенном руководителе, далеко опередившем открытостью всех своих предшественников. Это было совсем не просто <...>.

С осени 1990 года, когда пресса безжалостно его молотила. Горбачев, можно сказать, повернулся к ней спиной. Отношения со многими редакторами, ходившими раньше в фаворитах, испортились <...>. Конечно же, у него и в мыслях не было отрекаться от гласности, потому что без нее можно ставить крест на всех наших реформах. Помимо политического расчета и, безусловно, развитого у Горбачева демократического сознания, свою немалую роль играли при этом его человеческие качества. Не мог он, подобно Тарасу Бульбе, убить свое дитя. И как порой ни раздражался, досадовал на газетчиков, а все равно его к ним тянуло, даже к тем, кто больше «кусал», и больше именно к этим. Его горделивое самлюбие, окрыленное триумфом, с каким встречались первые шаги реформы в народе и во всем мире, отвергало саму мысль заткнуть

рот своим критикам, включая тех, кто поносил его незаслуженно. А вот переубедить их поступками, «обаять» при личной встрече, заставить пусть злобные и ехидные, но отнюдь не блеклые и скучные умы пересмотреть свое к нему отношение, привлечь их перья на свою сторону — вот это было ему по душе, по темпераменту. Он всегда с азартом выбирал задачи посложней и часто говорил о своем недоверии к облегченным, простым решениям, достигаемым командой: закрыть, подавить, разогнать...

<...>

Генеральная направленность реформы была четко задана XIX партийной конференцией. Но когда дело дошло до конкретики, обнаружились расхождения. Первое касалось Съезда народных депутатов СССР. Нет сомнения, что идея эта была навеяна Лукьянову основательным знакомством с историей советской власти. Анатолий Иванович, мне кажется, воспринял ее первые институты в романтическом ореоле. Сами слова «Съезд Советов» звучали в его устах как музыка, гимн подлинно народной и пролетарской демократии. Он был так очарован этим продуктом революционного творчества, что не давал себе труда вслушаться в контраргументы. А они были. Съезды Советов с самого начала обнаружили неспособность выполнять функции высшего законодательного органа. Этот институт не смог противодействовать наступавшей единоличной диктатуре. С ним даже не пришлось расправляться как в свое время с Учредительным собранием — преспокойненько ликвидировали росчерком пера и заменили парадным Верховным Советом. Другое разногласие касалось самого Верховного Совета. По схеме, представленной Лукьяновым, он должен был состоять из двух громоздких, по численности (по 750 человек) равных палат, и каждой вменялось заниматься всем комплексом вопросов, выносимых на рассмотрение парламента. Иными словами, структура Верховного Совета сохранялась почти без изменений. В противовес этому я считал разумным не только не усложнять политическую систему громоздким Съездом народных депутатов, но и Верховный Совет учредить компактным, общей численностью до 500 человек, с традиционным для федераций делением на высшую (Совет республик) и низшую (Совет Союза) палаты. Наконец, предлагалось избирать депутатов тремя частями в равной пропорции — по территориальным избирательным округам, от республик и национальных автономий, от общественных организаций. Идея эта обсуждалась на одной из встреч с участием президента и показалась ему интересной. Действительно, при невысоком уровне политической культуры и отсутствии опыта участия в реальных, а не фиктивных выборах важно было заручиться гарантией, что

хоть какая-то часть нового депутатского корпуса окажется в состоянии задать тон работе молодого нашего парламента. Так оно в сущности и получилось. Те, кто обрушился на представительство общественных организаций, объявив его нарушением демократических принципов, не дали себе труда поразмыслить либо упустили из вида очевидный факт: без этого на Съезде народных депутатов не оказалось бы ни Сахарова, ни Лихачева, ни многих других, сыгравших заметную роль в становлении парламентаризма. Признаюсь, сам я склонялся к альтернативному варианту, согласно которому представители общественных организаций должны были составить третью палату Верховного Совета, работающую на общественных же началах. То есть это было бы собрание наиболее уважаемых в стране людей, которые не занимались бы законодательством, а выносили политические вердикты по наиболее значимым вопросам общественной жизни. Разумеется, «профессиональный» Верховный Совет не смог бы с ними не считаться. Дискуссии возникли также вокруг устройства центральных органов власти. Многие юристы предлагали ввести президентскую республику с ответственным перед парламентом правительством, а также закрепить принцип разделения властей, создав Конституционный суд. Однако Горбачев в то время склонен был сохранить систему Советов «снизу доверху»; президент, как единоличный глава государства, в нее не вписывался. Да и разделение властей не вязалось с полновластием Советов, поэтому вместо Конституционного суда придумали Комитет конституционного надзора, изначально обреченный беспомощно болтаться между законодательной и исполнительной властями. В который раз подтвердилось, что в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Итак, мы с Анатолием Ивановичем убеждали генсека в преимуществах своих предложений, в конце концов ему это поднаоело, и он сказал: «Знаете, друзья, мне недосуг участвовать в ваших дискуссиях. Соберите лучших юристов, и пусть они приговорят, чья схема лучше». Через два дня я был приглашен в кабинет Лукьянова, где за длинным столом сидели приглашенные — известные наши административисты и знатоки государственного права. Как и следовало ожидать, все они взяли сторону секретаря ЦК — силен дух партийной дисциплины! Потом мы отчитывались перед шефом, и я откровенно сказал, что не верю в объективность устроенной Лукьяновым экспертизы. Но Михаил Сергеевич махнул рукой: «Жюри вас рассудило, не будем возвращаться к этому». Он переглянулся с Лукьяновым, и я уразумел, что вся эта процедура была придумана для моего успокоения. В действительности генсеку пришла по душе концепция Лукья-

нова. Нигде в мире нет Съезда народных депутатов, а у нас будет! Разумеется, сейчас трудно судить, как развернулись бы события, если бы остановились на «бессъездовском» варианте, и вместо нерабочего, двух с лишним тысячного собрания, рассчитанного на добрую половину мест в Кремлевском Дворце съездов, был создан оптимальный по численности парламент. Одно можно предположить: это помогло бы повести политические преобразования не взрывным революционным путем, а более спокойным, реформистским. И есть ирония истории в том, что, увлеченный «революционной поэтикой» Лукьянова, Горбачев создал себе на голову «супердемократического монстра» и должен был, чтобы «держать марку», превозносить его как плод оригинального творчества перестройки. А Сахаров и его единомышленники, получившие благодаря этому институту возможность сразу же перейти в открытое наступление на систему, напротив, подвергли его зубодробительской критике, как никчемное, неработающее, парадное учреждение, чуть ли не придуманное коварными аппаратчиками, чтобы, как и прежде, манипулировать верховным органом государственной власти. Впрочем, как ни существенно определение формы будущего парламента, несравненно важнее был состав депутатского корпуса.

<...>

Когда в Кремлевском Дворце съездов торжественно открылся Первый съезд народных депутатов СССР¹, партийные лидеры могли чувствовать себя спокойно. Каждый второй в зале находился в их прямом или косвенном подчинении, три четверти народных депутатов были членами партии — больше, чем в прошлом, когда в разнарядках соблюдались пропорции, соответствующие «блоку коммунистов и беспартийных». В канун съезда Георгий Петрович Разумовский, заведовавший организационно-партийным отделом, наставлял республиканских и областных секретарей, а те, в свою очередь, депутатов от своих округов, как вести себя на съезде. Правда, члены Политбюро впервые за советскую историю не были посажены в Президиум и встречены, как было заведено, вставанием и бурными аплодисментами. Им пришлось довольствоваться скромной правой трибуной или даже разместиться в зале рядом с другими «рядовыми» депутатами. Зато в перерывах между заседаниями можно было собраться в уютно обставленной комнате, примыкавшей к сцене, чтобы обменяться мнениями о ходе съезда, отдохнуть и подкрепиться. Буфет членов Президиума съезда располагался этажом ниже и обслуживался скромнее, по второму классу. Большие черные «ЗИЛы» по-прежнему подкатывали к закрытому для публики боковому подъезду, как в до-

брые старые времена. И так продолжалось до последней, предавгустовской сессии Верховного Совета 1991 года. Президент то ли не рисковал, то ли стеснялся сказать своим коллегам по Политбюро, что им пора спускаться в народ. А скорее всего — откупался этим нехитрым способом от партократии, оттягивал неизбежный ее мятеж. Он, можно сказать, действовал по Марксу, считавшему, что пролетариату предпочтительней откупиться от буржуазии, чем насильственно ее экспроприировать. Да и перед глазами у него был печальный пример Хрущева. Пока тот сотрясал устои своей анафемой по адресу культа личности — соратники терпели, а вот когда вознамерился ликвидировать кремлевскую столовую и навести экономию в пользовании автомобилями — этого ему не простили. Между тем с началом работы съезда стала очевидной иллюзорность расчетов на мощную партийную прослойку. Она сразу же расчленилась на несколько групп, обнаружив уязвимость тезиса о единомыслии коммунистов. Лихорадочные попытки сплотить фракцию КПСС ни к чему не привели. А те депутаты, на лояльность которых партийное руководство могло положиться, в большинстве своем не обладали качествами, необходимыми для ведения политической борьбы перед неумолимым глазом телекамеры. Опытные администраторы, в основном с инженерным и агрономическим образованием, всю жизнь проводившие в коридорах власти, они превосходили нуворишей из науки и журналистики как профессионалы-управленцы. Но тягаться с последними в диспутах не могли. Не случайно уже с первых заседаний на авансцену вышли юристы. Такова природа парламента. Создав форму, нужно было придать ей достойное содержание, добиться, чтобы избранный Первым съездом народных депутатов Верховный Совет заговорил как настоящий парламент. Еще не угрожала опасность стать послушным и молчаливым орудием власти, исходящей со Старой площади. Не было уже безоговорочного послушания коммунистов Центральному Комитету, а самое важное — гласность породила оппозицию. Рассматривая списки народных депутатов, политологи могли с точностью до одного расположить их в «болоте» и на «горе» либо по другому критерию — справа, слева, в центре. Так надо ли было опасаться, что в парламенте воцарятся тишь и благодать, что он от рождения будет благовоспитанным тихоней? Безусловно, нет. Но следовало действительно опасаться того, что Верховный Совет станет полем схватки, в котором преобладающее большинство не то что подавит, а раздавит оппозиционное меньшинство. В результате обесценится сам замысел реформы, все вернется на круги своя и люди скажут: это фарс, попытка поднести нам прежнее постное блюдо

под пикантным соусом. Вот чего не хотел допустить Горбачев. И ради поддержания политического баланса, ради, если хотите, воспитания культуры парламентаризма целые дни проводил на сессии Верховного Совета, то и дело включался в прения, а в перерывах и по вечерним часам принимал депутатов, присматривался к ним, добросовестно выслушивал, старался понять и разделить их заботы. Он решительно отмахивался от своих коллег по партийному руководству, которые пеняли ему на чрезмерное увлечение парламентом, от чего страдают другие, гораздо более важные, по их мнению, участки работы. Доброжелатели говорили Михаилу Сергеевичу, что, фактически взяв на себя роль спикера, он наносит ущерб собственному авторитету. Когда миллионы людей, сидя у телеэкранов, наблюдают, как какой-нибудь безвестный юнец из числа депутатов вступает в пререkanie с главой государства, а тот, вместо того чтобы испепелить наглеца, терпеливо с ним объясняется и даже сносит явные оскорбления, ничего хорошего от этого ни для государства, ни для лидера не будет. Но одной из самых привлекательных черт Михаила Сергеевича как политика было как раз то, что вопреки собственной выгоде он ставил на первый план достижение стратегической цели — введение в стране полноценной демократии. Как генеральный секретарь в ущерб своему престижу не раз заступался на пленумах ЦК за Ельцина, Лациса² и других «смутьянов», защищая их от расправы ретроградов, так на съездах народных депутатов президент урезонивал агрессивное большинство, требуя дать возможность высказаться Сахарову, не сгонять с трибуны Черниченко³, не заглушать криками Карякина⁴. А в Верховном Совете остужал страсти крикливых ораторов обеих сторон. Это вовсе не благостный нейтралитет, потому что правящая партия, от имени которой выступают алкснисы⁵, коганы⁶ и Суховы⁷, обладая еще огромным перевесом, запросто могла заткнуть рты своим оппонентам. Горбачев не допускал этого, хотя отнюдь не сочувствовал всему, что произносилось, иногда с яростью выкрикивалось из «межрегионального угла». Иными словами, он добросовестно выполнял роль арбитра, стараясь приучить новый парламент вести дискуссию, а не драться на кулаках. Когда это более или менее удалось, Михаил Сергеевич передал бразды правления законнику Лукьянову, и тот закреплял политическое равновесие с помощью юридических процедур. Итак, Горбачев создал парламент, которому суждено было просуществовать меньше трех лет и кануть в вечность вместе с Советским Союзом. Будет крайней несправедливостью говорить, что эти героические усилия оказались зряшными. Союзный парламент почил в бозе, это так. Но на-

копленный им потенциал, как любит говорить Михаил Сергеевич, не рассыпался в прах, а разделился на 15 и даже больше частей, по мере того как автономии по примеру союзных республик обзаводились собственными парламентами. Конечно, у каждого из них свой характер, каждый претендует на специфику, но все-таки перенимает и структуру (президиум, комитеты, комиссии, аппарат, подсобные институты), и вновь обретенный законотворческий дух, выношенный похороненным без почестей их старшим братом. Что бы отныне ни говорили и ни писали о Горбачеве, как бы его ни ругали, он навсегда останется *отцом отечественного парламента*. Могут возразить, что впервые в России появилась Дума. Но Николай II не строил ее и не лелеял, он всего лишь декретом, притом вынужденным, позволил ей появиться на свет. А там уже это нелюбимое дитя должно было заботиться само о себе, не только не получая поддержки, но чувствуя на себе хмурый, подозрительный взгляд самодержца, только и думавшего, как поскорее спровадить его на тот свет. Горбачев, как примерный родитель, заботящийся о своем чаде, ухаживал за парламентом, помогал встать на ноги, не только не ожидая благодарности в будущем, но снося брыканье депутатов, которые после овации, устроенной ему при первом появлении, начали журить, потом поругивать, а осмелев и войдя во вкус, учиняли форменные разносы, не всегда заслуженные. Президент обижался, досадовал, злился, и это порой прорывалось в резких репликах или невнятных угрозах, которые враждебно настроенная пресса, не прощавшая ему ни одного промаха, немедленно объявляла покушением на демократию. *Наряду с гласностью первые выборы и первый парламент, заслуживающие этих названий, — главное дело Горбачева-реформатора.*

<...>

Два других эпизода, о которых я хочу рассказать, показывают другое свойство Горбачева: как бы ни был он оскорблен своим соперником и с какой бы резкостью о нем ни отзывался, никогда не считал он возможным переступить рамки допустимого в политической борьбе. Обычным своим узким составом мы работали в Ново-Огарево, когда Вадиму Медведеву, как члену Политбюро, ведавшему идеологией, передали заметку из итальянской газеты «Република», которая в издевательских тонах описывала пребывание Ельцина в США и утверждала, что он предается там чуть ли не ежедневному пьяному разгулу. Состоялось оживленное обсуждение: стоит или нет публиковать ее в нашей печати? Почти все говорили, что — дело беспроектное, речь идет всего-навсего о перепечатке, и непонятно, почему надо щадить человека,

который переходит границы дозволенного; он подставился, а значит — следует этим воспользоваться, в конце концов борьба есть борьба. Кто-то, правда, выразил сомнение: чем больше ругают Ельцина в официальной прессе, тем больше ему сочувствует народ. На Руси принято сострадать мученикам и гонимым властями, так что бросить лишний камушек в его огород — только помочь ему набрать очки. Горбачев задумался. Встал, походил по просторной продолговатой комнате на первом этаже, в которой шла работа. Подошел к застекленной двери, выходящей на веранду. Был уже вечер, шел сильный дождь, косые его струи били в окна. Шумели листвою исполинские деревья в парке. Мы сидели за столом, каждый на своем привычном месте. Я — слева от Горбачева, справа от него Яковлев, затем Черняев. По ту сторону — Болдин, Медведев, Фролов. Молча ждали решения генсека. Он еще раз прошелся вокруг стола, потом остановился у своего кресла и, оглядев нас, сказал: — Не лежит у меня душа. Что-то в этом неэтичное. Конечно, от Бориса всякого можно ожидать, но не будем же мы ему уподобляться. Были после этого еще попытки убедить Михаила Сергеевича, но он остался при своем.

— Ну а если все-таки какая-то газета перепечатает? У нас теперь свобода печати, никому не закажешь, — спросил кто-то.

Горбачев развел руками. На том и порешили, Медведев передал в ТАСС указание: никаких рекомендаций газетам о перепечатке статьи из «Республики» не давать. А на другой день она красовалась в «Правде». И хотя редакция поступила так по собственному почину, все равно этот эпизод был воспринят в обществе как инспирированная руководством очередная злонамеренная попытка дискредитировать Ельцина. «Правде» пришлось перед ним извиняться*, а Горбачев позвонил редактору В. Г. Афанасьеву⁸, отчитал его. Было немало и других случаев, когда он с безразличностью отвергал советы доброхотов устроить какую-нибудь вылазку против Ельцина. Ему явно претило мелкое интриганство в борьбе против своего соперника. Не говорю уж о коварстве — качестве, которое пытаются приписать ему недруги и которое вовсе ему не присуще. Обладая практически неограниченной властью, он имел тысячи возможностей убрать Ельцина со своего пути. Да хотя бы отправить его послом, а не оставить в Москве пусть на второстепенном, но все же министерском посту, и тем самым дать возможность продолжить политическую карьеру. Бессмысленны и домыслы —

* Как это случилось — подробно описано в интересной книге драматурга «правдиста» В. С. Губарева «Президент, или Уотергейт по-русски» (М., 1990).

якобы предпринимались попытки его физического уничтожения. Можно не сомневаться, что КГБ вел за ним наблюдение и чинил мелкие пакости. Но если бы было принято решение устранить лидера оппозиции, да еще получено согласие на это с самого «верха», то уж такой приказ был бы наверняка выполнен. Надо быть уж очень наивным, чтобы верить, что наши органы безопасности совершили несколько покушений на Ельцина и спасла его лишь одна Божья благодать. Летом 1989 года я дал интервью немецкому журналу «Шпигель». Корреспондент задал вопрос, не собирается ли Горбачев арестовать Ельцина за призыв к мятежу. Я ответил, что у президента другой стиль, он с оппонентами не расправляется, а пытается найти общий язык. Ну а если не получается, что ж, тогда политическая борьба. Когда я пересказал это Михаилу Сергеевичу, он с жаром воскликнул:

— Ну, скажи, Георгий, разве я не относился к Борису сдержанно, не позволяя себе и другим даже выступать с сильными выражениями по его адресу, хотя оснований для этого было более чем достаточно. Я уж не говорю о том, что пригласил его в руководство, защищал от Егора.

— А теперь он вас по-своему отблагодарил, требуя отправить в отставку.

— Да, теперь, я считаю, он переступил черту. Но все равно, мы не боксеры, а политики и должны держаться определенных правил. По крайней мере, я другого не принимаю.

— А почему бы не удовлетворить его амбиции. Скажем, сделать вице-президентом? — Не годится он для этой роли, да и не пойдет. Ты его не знаешь. У него непомерное честолюбие. Ему нужна вся власть, и ради этого он решится на что угодно.

Этот прогноз не замедлил подтвердиться. Позиционная борьба соперничающих лидеров вскоре перешла в стадию открытой войны на всех мыслимых фронтах. Временами они сходились, так сказать, в рукопашную, обмениваясь увесистыми политическими заявлениями и уничижительными оценками. Но инициатива постоянно исходила от Ельцина. Причем если до этого он держался на заднем плане, вступал в бой только после артподготовки, проведенной штабом и активистами Демороссии (массированные атаки на правительство в прессе, массовые демонстрации в Москве и Ленинграде, забастовки шахтеров), то после смерти А. Д. Сахарова занял место впереди атакующей колонны. Тараном, с помощью которого наносились мощные удары по союзному руководству и президенту, стала идея российского суверенитета. После резкого «антицентристского» выступления Ельцина на Второй сессии Верховного Совета РСФСР (16 октября 1990 г.) Горбачев предложил

обменяться мнениями на Президентском совете. Приговор был общим: это — объявление войны, а вот как реагировать — голоса разделились. Одни высказывались за решительный публичный отпор, другие предостерегали, что ничего хорошего из этого не получится. Все дружно сетовали на прессу, которая чуть ли не целиком подыгрывает «демороссам». Пожалуй, сильнее других выступил Рыжков.

— Первая атака в сентябре, — сказал он, — захлебнулась, и теперь Ельцин начинает новую. Он не успокоится, пока нас не добьет либо сам голову сложит. Вокруг него собралась циничная публика. Согласия с ними быть не может. То, что вы, Михаил Сергеевич, пошли на компромисс, ничего вам не добавило. Я сидел вчера со своими замами. Одни за то, чтобы сражаться, другие скисли, говорят: «Мы выдохлись, управлять не в состоянии, вожжи у нас отобраны». В конце концов это не связано с Ельциным. Может быть, пойти на создание коалиционного правительства?

— Это путь «Солидарности», — возразил кто-то.

— И бог с ним, — продолжал Рыжков. — О нас уже говорят: не бей лежачего. Больше так работать не сможем, будем вынуждены ставить перед президентом вопрос об уходе. Партия — Ивашко, Дзасохов (9) — тоже не поддерживает правительство, что же нам, искать другую партию? Мы прокоммунистическое правительство, а родная партия говорит, что она в оппозиции. В Верховном Совете у нас нет поддержки депутатов-коммунистов. Я уже не говорю о средствах массовой информации — те нас недоумками изображают. Это правительство, в котором 7 академиков и 20 докторов наук. Впереди худшие времена. Любые попытки удержать производство от обвала в 1991 году не проходят; директора озверели, слушать ничего не хотят, да их можно понять. Словом, нужно говорить с народом, не сосредотачиваясь на Ельцине.

«Не Ельцин идет к власти, — прозвучала реплика, — а Бурбулис¹⁰». Горбачев согласился, что не следует видеть за всеми проблемами одного Ельцина. В обществе нарастает хаос, и люди требуют порядка, поддержат каждого, кто возьмется его навести даже крайними мерами. Расчеты демократов, пришедших к власти в Москве, Ленинграде, что им удастся управлять лучше коммунистов, не оправдались. Хотя мы им не мешаем, напротив — поддерживаем. Попов¹¹ уже заявил, что им надо переходить в жесткую оппозицию. Дела делать не умеют, только политиканствовать. В окружении Ельцина есть и такие, кто за сотрудничество с нами. Надо двигать Союзный договор. В тот же день Горбачев встретился с секретарями ЦК и порекомендовал не кричать караул, а говорить, что конфронтационный тон Ельцина не на пользу дела, что

общество хочет гражданского мира и консолидации. Это святая правда. Нарастает поток писем и телеграмм от встревоженных граждан. Страна взывает к двум лидерам: Михаил Сергеевич, Борис Николаевич, помиритесь, Христа ради! И они встречаются. Горбачев, потому что у него нет выхода, одна надежда — урезонить соперника, воззвать к его патриотическим чувствам. Ельцин, чтобы продемонстрировать миролюбие и готовность к компромиссу. А параллельно с долгими беседами, взаимными заверениями и обещаниями парламент и правительство России изо дня в день ведут методическое наступление на союзные власти, отбирая у них предприятие за предприятием, банк за банком, отрасль за отраслью, заключая договора с другими республиками и сколачивая антисоюзный блок. Чем дальше идет эта двойная игра, тем отчаяннее становится положение президента. Вроде бы и соперник утихомирился, а дела все равно идут все хуже, беспорядок усиливается. Ему не остается ничего иного, как просить у Верховного Совета дополнительных полномочий. И тут на Горбачева обрушивается иезуитски подготовленный удар. Ельцин обвиняет его в попытке установить диктатуру. «Такого объема законодательно оформленной власти, — заявил он, — не имели ни Сталин, ни Брежнев. Крайне опасно, что президентская власть у нас формируется под личные качества и гарантии конкретного человека. Фактически Центр стремится сделать конституционное оформление неограниченного авторитарного режима».* Это говорилось в то время, когда у президента и союзного правительства фактически не было уже никакого контроля за ходом событий — его, следуя за Россией, перехватили республики <...>.

20 февраля президент собрал свое ближнее окружение. Настроен был мрачно. Начал размышлять вслух: — Происходит нечто подобное тому, что случилось в 1987 году. Придя в Моссовет, Ельцин энергично взялся за дело, начал менять кадры. Я его поддержал. Но, разделившись с первой «гарнитурой», он пошел по второму кругу, потом по третьему. У него нет вкуса к нормальной работе. Видимо, ему для тонуса нужно постоянно с кем-то драться. Не случайно понравился Егору своей крутостью, и тот рекомендовал его на Москву. В нем гремучая смесь, способен только на разрушение. Ситуация созрела, нарыв готов прорваться. Ельцин хотел сколотить «союз четырех» (т. е. России, Украины, Белоруссии и Казахстана), но эта затея сорвалась. Теперь поехал в Ярославль подстрекать к неповиновению, забастовкам.

* Из выступления Б. Н. Ельцина на IV Съезде народных депутатов СССР 19 декабря 1990 года.

Упрощать не следует. Положение серьезное. Многие верят, что он за бедных. Знаете, — сказал нам Горбачев, — если на референдуме народ пойдет за «демороссами» и проголосует против Союза, мне не останется ничего иного, как уйти. Это — последний рубеж. Но я верю, что этого не случится. Уверенное «да» Союзу на референдуме дало уникальный шанс переломить ход событий, и Горбачев его не упустил, предложив руководителям республик собраться в Ново-Огарево и в сжатые сроки завершить работу над Союзным договором. Ельцин, готовившийся к предвыборной борьбе за президентское кресло, вынужден был согласиться. Он просил Горбачева сохранять нейтралитет на этих выборах. Михаил Сергеевич обещал ему это и слово сдержал. Ни сам президент, ни его команда не пытались вмешиваться в избирательную кампанию, а когда Ельцин победил — Горбачев принес ему свои поздравления и выразил надежду на плодотворное сотрудничество. Президент России попросил Президента Союза «благословить на царствие». Разговор в пересказе Горбачева был любопытный.

«— Не следует ли организовать прямую трансляцию церемонии на Красную площадь? — спросил Ельцин. — Зачем? И так ведь будут передавать по телевидению, а в этом случае получится столпотворение, не дай бог, новая Ходынка. — Не следует ли дать залп из 24 орудий? — Хотел сказать: “Ворон распугаешь и людей насмешишь”, но он ведь обидчив. Я его начал отговаривать. — На чем присягу принимать, на Конституции или Библии? — Понимаешь, Борис Николаевич, покажется странным, если на Библии, ты ведь не шибко верующий. — А как же в США присягают президенты! — Так у них другая культура, традиции. К тому же в России миллионы мусульман, они обидятся: почему не на Коране. Или еще евреи — на Торе».

— Какие амбиции, — вздохнул Горбачев, — и простодушная жажда скипетра. Как это совмещается с политическим чутьем — ума не приложу. Однако, черт знает, может быть, именно в этом секрет, почему ему все прощается. Царь и должен вести себя по-царски. А я вот не умею.

Лето 1991-го было относительно спокойным в отношениях двух лидеров. Они, правда, не раз схватывались при отработке текста Союзного договора, но с помощью Назарбаева и других участников новоогаревских «сидений» удавалось найти компромиссные решения. Раз а два даже пообедили и, чокаясь, пообещали друг другу лояльно сотрудничать в рамках создаваемой федеративной государственной структуры. Горбачев поверил. И только после августа стало выясняться, что параллельно с «Новоогаревским процессом» велась интрига, имевшая целью сорвать подписание

Союзного договора. Или добиться внесения в него поправок, которые свели бы полномочия союзных органов к прерогативам Европейского Совета. Ельцин, Кравчук¹² и Шушкевич¹³ готовили свой вариант антисоюзного заговора, и, опередив их, гзкачеписты только сыграли им на руку. Горбачев проиграл, хотя явно превосходил своего соперника и находился в несравненно более сильной исходной позиции.

<...> Если бы Горбачев не был выбит из седла, он довел бы начатые реформы до логического конца. Но, разумеется, по своему графику, поскольку не считал шокovou терапию хорошим средством для нашей страны, искал более эффективного и одновременно менее болезненного для людей способа перехода к рынку. Именно этим, а отнюдь не идеологическими табу объясняется и его колебание в этих вопросах. Приняв поначалу программу «500 дней»¹⁴, он не решился проводить ее в жизнь, опасаясь, что результатами станут катастрофическое снижение жизненного уровня, массовая безработица, социальное недовольство и политическая нестабильность. Нет, не разными историческими ролями следует характеризовать Горбачева и Ельцина, а разными подходами к стоящей перед страной задаче, которую оба они, разумеется — с нюансами, но все же понимают одинаково. Горбачев, хотя он любил называть перестройку революцией, на самом деле был и остается реформатором по всем измерениям — по методу, стилю, по складу характера и нравственным установкам. Его природе противны «большие скачки», во всяком деле он предпочитает плавное течение событий. Стремится не рубить негодный сук, а подпиливать его, не вводить новые порядки в течение суток, а растянуть это предприятие на достаточно долгий срок, чтобы не потрясти общество, не выбить его из колеи. Горбачев, если можно так выразиться, неисправимый центрист, а центристы никогда не были сторонниками лихих революционных наскоков. Центрист, если он не консерватор, значит, реформатор. Иное дело Ельцин. По складу своего политического дарования он революционер и чувствует себя в своей стихии только тогда, когда атакует. Эту сторону его натуры отмечают многие. Ельцин прекрасно смотрелся, когда произносил речь, стоя на танке у прикрытого баррикадами Белого дома. Горбачева трудно, если вообще возможно, представить в такой роли. Ему больше подходят трибуна, зал, освещенный хрустальными люстрами, доверительная беседа с «ходоками». Если революции ругают за разбой, разгул, крайность, то реформы — за половинчатость, убогость, робость. А ведь иной раз за всем этим стоит отнюдь не чрезмерная осторожность, а более или менее точный расчет. Так что не следует торопиться

с осуждением Горбачева как «кунктатора». По мнению многих взыскательных аналитиков, масштаб и сложность преобразований, в которых нуждалась наша страна, таковы, что оптимальным было бы растянуть их на два-три десятилетия. Какой же Горбачев кунктатор, если он в июне 1988 года провел XIX партийную конференцию, на которой определил задачи политической реформы, а уже в начале будущего года в Москве заседал Первый съезд народных депутатов. В течение нескольких последовавших месяцев была ликвидирована монополия Коммунистической партии на власть, признан принцип разделения властей, приняты законы о свободе печати и общественных объединениях, подготовлены предпосылки для радикальной экономической и военной реформы.

Целью Горбачева как реформатора был демонтаж тоталитарной системы. Целью Ельцина как революционера стало ее разрушение. Сейчас некоторые утверждают, что эта система не поддавалась демонтажу. В действительности к августу 1991-го она находилась почти в разобранном состоянии. Именно поэтому, между прочим, и состоялся заговор — последняя отчаянная попытка сторонников прежнего режима предотвратить неизбежный его конец. Единственным трагическим результатом ее стало то, что реформа была прервана, осталась незавершенной, а неоконченное дело взяла на себя революция, действовавшая уже по-своему, своими методами. Впрочем, она может быть названа так лишь по отношению к режиму, который добила <...>.

Ново-Огарево

1991 год, который по насыщенности и драматизму событий сравним лишь с 1793-м и 1917-м, прошел под знаком борьбы вокруг вопроса: быть Союзу ССР или не быть? Кульминация этой борьбы пришлась на четыре даты — 17 марта, 12 июня, 19 августа и 8 декабря. А ее стержнем стал проект нового Союзного договора. Вокруг этого документа кипели страсти и ломались копыя. В нем сфокусировалась вся летопись этого неординарного года. Он стал жертвой политических интриг и приобрел в последнем виде характер законченного компромисса. И хотя Договор остался неподписанным, вполне возможно, что его еще извлекут из архивов — только перепечатают набело, поправят пару статей и скажут: это уже совсем другая бумага.

С вопросом о Союзе, о его судьбе связаны и пик противостояния Горбачева с Ельциным, и высшая точка их сотрудничества.

Что касается противостояния, оно достигло апогея, когда Ельцин, выступая по телевидению, обвинил Горбачева во всех

смертных грехах и потребовал немедленной его отставки. Этот выпад встретил крайне раздраженную реакцию у президента и его окружения, был расценен как «объявление войны». Впрочем, то же говорилось и по другим поводам — когда Ельцин подписал договор с Литвой и другими Прибалтийскими республиками, тем самым поддержав их требования независимости и фактически лишив союзное руководство возможностей дальнейшего маневрирования. Когда было объявлено, что все предприятия на территории России переходят под ее юрисдикцию. Когда провозгласили приоритет республиканских законов над союзными. Когда Ельцин попытался разрушить Союз де-факто с помощью серии двусторонних договоров, а затем де-юре — заменить его четырехсторонним соглашением (России, Украины, Белоруссии и Казахстана), то есть сделать то, что удалось ему со второй попытки в декабре 1991 года.

Перебирая в памяти события этого бурного года, трудно с большой точностью назвать момент перелома в соотношении сил, когда в результате таранных ударов оппозиции Союзный центр ослаб настолько, что уже не только был не в состоянии диктовать свою волю всем республикам, но и пасовал, если две-три из них сговаривались занять общую позицию. Решающую роль при этом играла, конечно, Россия. Пожалуй, где-то в марте-апреле авторитет и влияние союзного Президента и Председателя Верховного Совета РСФСР сравнялись. Ни один из них не мог управлять, игнорируя другого, и такое равновесие сил сохранялось до августа.

На протяжении периода, который можно назвать «новоогаревским», два основных лагеря состязались в привлечении на свою сторону общественного мнения. Это не был прочный политический мир, но с обеих сторон в угоду народному настроению не уставали заявлять о необходимости согласия, коалиционного правительства, единого фронта, круглого стола и т. п. Народные массы устали от бесконечной перепалки, включая свару между лидерами. Характерно, что и тональность писем, поступавших тогда в президентский аппарат, изменилась, здесь уже не столько призывали Михаила Сергеевича и Бориса Николаевича «помириться», сколько предостерегали, что оба будут нести ответственность за развал государства, одинаково повинны в переживаемых страной трудностях. В этих условиях противоборствующие лагеря и сочли для себя выгодным заключить своего рода перемирие.

В зимние месяцы 1991 года, когда Горбачева покинули несколько человек из его «команды» (Яковлев, Шеварднадзе, Шаталин¹⁵, мне пришлось общаться с ним чаще обычного. Я рассказывал шефу о настроениях депутатов, с которыми работал в Комитете Верховного Совета по законодательству, законности и правопорядку. Люди,

заявлявшие о себе как твердые его сторонники, настоятельно просили двинуться навстречу демократическому движению, которое само в тот момент находилось в разобранном состоянии, панически боялось призрака надвигающейся диктатуры. Со своей стороны я настойчиво советовал президенту встретиться с ведущими деятелями оппозиции, и не просто «по-отечески» поговорить с ними, пожурить или похвалить, а договориться о создании коалиции реформ. Он соглашался в принципе, но без большой охоты, явно опасаясь обидеть и озлобить своих соратников по Политбюро.

<...>

В этих условиях единственным выходом становилось верхушечное соглашение на уровне лидеров, к которому позднее присоединятся парламенты. Я высказал мнение, что, если Горбачев предложит Ельцину отказаться от взаимных нападок, заключить своего рода перемирие и вместе с руководителями других республик взяться за завершение работы над Союзным договором, Борис Николаевич не сможет отказаться: в этом случае на нем сосредоточилось бы негодование соотечественников, жаждущих мира в стране. В то время и доброжелатели президента, и многие люди, не входившие ни в какие лагеря, а просто болевшие душой за судьбы Родины и реформации, настойчиво уговаривали, можно даже сказать — толкали его к соглашению.

И он решился, хотя это было далеко не просто. Ведь создав первую встречу «9 + 1» и положив тем самым начало «новоогаревскому процессу», Горбачев признавал, что отныне он не в состоянии править единолично и готов пойти на передачу власти республикам с сохранением за Союзом в основном координационных функций. До того момента были только обещания да декларации о необходимости преобразовать унитарное государство в федеративное, с этого же момента, еще до подписания нового Союзного договора, такое преобразование становилось фактом.

Мощное давление в пользу соглашения оказывалось и на Ельцина. Конечно, в его «команде» было немало «ястребов», тех, кто считал, что инициатива на стороне «демороссов», и, пойдя даже на временное перемирие, они потеряют темп, упустят возможность одержать полную и безоговорочную победу. В таком духе выступали тогда Ю. Афанасьев¹⁶, Л. Баткин¹⁷ и другие противники каких-либо соглашений с Центром. Но здравый смысл возобладал, и случилось то, что можно отнести к немногочисленным позитивным эпизодам политической борьбы 1991 года. По поручению Михаила Сергеевича я подготовил проект сообщения о заседании «девятки». С раннего утра собрались в Ново-Огарево, прошли по тексту. Хотя Михаил Сергеевич держался спокойно,

ощущалось внутреннее напряжение. Зная взрывной характер Ельцина, не будучи уверенными, что его команда твердо решила идти на сближение, приходилось быть готовыми к любым неожиданностям. Начали подъезжать республиканские лидеры. Ровно в 10 захлопнулись двери Зала заседаний, а мы с Г. И. Ревенко решили пройтись по парку, скоротать время ожидания. Но вот перерыв на обед. Первым из зала вышел Председатель Верховного Совета (ныне Президент) Туркменистана Сапармурад Ниязов¹⁸ и, широко улыбнувшись, сообщил: все в порядке, волноваться не следует. Вышедший следом Горбачев попросил сразу же передать ожидавшим в фойе журналистам сообщение для печати. Его содержание изменилось ровно наполовину, но этого следовало ожидать, иначе нельзя было рассчитывать ни на какой компромисс. Некоторое время соглашение «9 + 1» было источником своеобразной эйфории. Словно в момент, когда два войска готовы были сойтись в яростной рукопашной схватке, вожди их вняли гласу народа и договорились жить дружно. Даже отметили это событие бокалом шампанского. Как рассказывал потом Михаил Сергеевич, за обедом они с Борисом Николаевичем, чокнувшись, выпили за здоровье друг друга. Сильно помог успеху, по словам президента, Нурсултан Назарбаев. Но если сами лидеры были довольны, этого нельзя сказать об их «командах». Наиболее воинственные «демороссы», полагавшие, что Центру нельзя давать передышки, надо его добить, обрушили шквал упреков на Ельцина. Прозвучали даже обвинения в предательстве демократического лагеря. Экстремисты вынудили самого Бориса Николаевича выступить с оговорками, которые ставили под сомнение прочность достигнутого компромисса. Роптала и консервативная часть президентского окружения. «Что же вы, братцы, сделали? Отдали власть, а с нею Союз», — сказал мне в сердцах один из членов Политбюро. Бесполезно было объяснять, что речь идет о компромиссе, которому в тот момент не было альтернативы, и что новоогаревская встреча лишь привела содержание государства в соответствие с его конституционной федеративной формой. Так, через пень-колоду, вынужденные чуть ли не ежедневно отбиваться от нападков слева и справа, то и дело оступаясь и возобновляя перебранку, мы втягивались в повоогаревский процесс. Мне пришлось за одним исключением присутствовать на всех заседаниях, в ходе которых шла работа над проектом Союзного договора, а попутно решались многие существенные вопросы. Сохранилась стенограмма этих заседаний, не сомневаюсь, она будет опубликована, поэтому ограничусь общими впечатлениями. Перед каждым заседанием шла скрупулезная работа над учетом замечаний республик к про-

екту Договора. Их сортировали, распределяли по темам, сводили в реестр, позволявший видеть все поправки к каждой статье. Одновременно предлагалось несколько вариантов уточненной редакции. Работа была объемная, но делалась она силами небольшой группы — мы с Ревенко, вице-президент Академии наук Владимир Николаевич Кудрявцев¹⁹, директор Института государства и права Борис Николаевич Топорнин²⁰, консультанты — Ю. М. Батулин²¹, А. А. Сазонов²², З. А. Станкевич²³. Засиживались в Волынском за полночь. Горбачев регулярно звонил, иногда приезжал к нам на несколько часов. Затем назначалась дата очередной встречи и подготовленный материал рассылался от его имени руководителям республик.

Мы приезжали в Ново-Огарево загодя, чтобы еще раз проверить готовность техники, раскладку документов, удостовериться в готовности вспомогательных служб. С утра собирались и журналисты, старавшиеся вытянуть из нас хоть какую-то информацию до появления главных действующих лиц. Но вот один за другим начинали прибывать президенты и Председатели Верховных Советов. У входа в дом, выстроенный при Хрущеве в стиле русской помещичьей усадьбы XIX века, они давали короткие интервью, обменивались впечатлениями, столпившись на балюстраде, ожидали Горбачева. Михаил Сергеевич приезжал, как правило, минут за пять-десять до назначенного времени, а вслед за ним, перед самым началом заседания, Ельцин. За этим явно стоял расчет: подчеркнуть, что он ничем не уступает союзному президенту. Поздоровавшись и обменявшись первыми репликами, направлялись в небольшой по размерам нарядный зал на втором этаже, ярко освещенный хрустальными люстрами и обставленный добротной мебелью, но в общем-то не отличавшийся особой роскошью. Первые десять-пятнадцать минут проходили в ожидании момента, когда президент займет председательское место и пригласит начать работу. Большинство выходило на просторный балкон, где, разбившись на группы, лидеры обсуждали последний вариант Договора либо насущные свои проблемы. Участвуя в этих беседах, мы имели возможность присмотреться к людям, оказавшимся в переломный момент развития страны на командных постах. Кто они, понимают ли выпавшую на их долю небывалую ответственность, чего хотят: сохранить Союз либо, напротив, обрести свободу? На эти вопросы было нелегко ответить, потому что, пожалуй, самой характерной в этой среде чертой была привычка скрывать свои мысли. Это качество, воспитанное многими десятилетиями продвижения по ступеням партийной иерархии, являлось, по сути дела, пропускным билетом на верхний этаж Системы, допуском

к ее секретам. Впрочем, успешней других скрывают, что у них на уме, те, у кого там вовсе ничего нет. Как с этим? Есть ли доля правды в утверждениях, будто прежняя наша политическая система выталкивала на поверхность одних бездарей, способных лишь гнуть спину перед начальством и измываться над подчиненными? Присматриваясь к нашим лидерам, я имел возможность убедиться, что это далеко не так. В подавляющем большинстве это были неплохие специалисты, с житейским опытом и прагматическим складом ума. Иногда они подходили к нам с Кудрявцевым, прося растолковать смысл той или иной нормы или предлагая поправку. Разъяснения схватывались на лету, и я не помню случая, когда не удалось бы найти разумную компромиссную формулу по спорным вопросам. За редкими исключениями, почти все руководители союзных и автономных республик занимали первые посты до перестройки либо находились где-то на подступе к ним, как принято говорить, в верхнем эшелоне. Иначе говоря, они никоим образом не относились к тому человеческому материалу, который перестроечная волна подняла на политический олимп (ученые, разночинцы, бывшие диссиденты). Сколько я знаю, никто из них не подвергался репрессиям. Это были типичные представители того, что называлось в прошлом ленинской гвардией. Не заглядывая в анкеты, можно было составить среднестатистическую биографию: из крестьян, по образованию — инженер или агроном, учился в партийной школе либо в Академии общественных наук, работал в комсомоле, затем главным инженером или директором предприятия, предисполкома или секретарем райкома, дальше — обком, потом — республика. Может показаться удивительным, что эти люди, воспитанные в духе ортодоксальной коммунистической доктрины, оказались способны очень быстро, буквально с лету подхватить новые идеи и стать их носителями. (Для циника: приспособиться к обстановке, суметь выжить, перекраситься и т. д.) В сущности, каждый из них по-своему повторил эволюцию, проделанную Горбачевым, без особых страстей и душевной боли расставшись с марксистскими догмами, не просто провозгласив, но и осознав себя социал-демократами или либералами. Вдобавок еще недавно закоренелые атеисты без особого над собой насилия вспомнили: лидеры христианских республик — о Христе, мусульманских — о Магомете, обогатили свои политические убеждения мудростями Библии и Корана. Чего не сделаешь, чтобы улажить верующих соотечественников!

<...>

Кстати, один из самых больших просчетов нашего лидера заключается как раз в том, что он считал возможным отложить

глубокое обновление партийного руководства. Тем самым была заблокирована возможность реформирования партии. Когда реформатор и его соратники сетуют на то, что КПСС оказалась «неподдающейся реформе», им бы следовало признать, что повинны в этом они сами. Партию не удалось реформировать именно потому, что никто толком не собирался этого делать (разве что на словах) и не принималось никаких серьезных мер в этом направлении. Но если массив кадров, сосредоточенных в Центре, связанного в основном с союзными ведомствами, дожид, дотянул до печального финала перестройки, то на местах произошло существовавшее движение. Сначала вторые секретари чуть ли не повсюду заняли место первых, затем настал звездный час бывших председателей исполнительных комитетов. А в целом в 80-е годы, особенно при Горбачеве, сформировался костяк руководителей, которых я бы назвал профессиональными управленцами. К ним можно отнести таких людей, как Нурсултан Назарбаев, Ислам Каримов²⁴, Сапармурад Ниязов, и многих руководителей автономных республик, которые прошли выучку на совминовской и госплановской работе, а если занимали партийные посты, то, в сущности, делали то же дело — занимались организацией строительства, производства, обеспечением продовольствия и т. д.

Потолковав между собой, участники новоогаревских встреч рассаживались за длинным столом. Михаил Сергеевич занимал председательское кресло, справа от него место отводилось Лукьянову и Ельцину. Затем располагались руководители других союзных республик, после них, в алфавитном порядке, лидеры автономий. Неподалеку от президента за отдельным столиком усаживался В. И. Болдин как секретарь новоогаревских встреч. В другой части зала отводилось место для экспертов. Когда возникали споры вокруг тех или иных формулировок, Горбачев и другие участники встречи нередко просили нас высказаться или дать пояснение. Да и сами мы подавали голос, отнюдь не чувствуя себя в этом собрании безмолвными свидетелями.

Не сразу, не с первого раза, но у меня возникало и постепенно крепло убеждение, что мы участвуем в предприятии головоломной сложности. Действительно, речь ведь шла не о попытке достичь компромисса между двумя сторонами. Тут был целый комплекс противоречий, чуть ли ни у каждого участника собрания находился свой интерес, и он, естественно, домогался его защитить.

Главная линия противостояния проходила, конечно, между Горбачевым и Ельциным. Хотя внешне оба старались держать себя в руках, между ними явно ощущалось поле напряжения, в котором то и дело возникали мелкие разряды, а раза два-три не обошлось

без грома и молнии. Михаил Сергеевич держался спокойней: всякий раз, когда Ельцин вступал с ним в пререкания, начинал его уговаривать, я бы даже сказал, улещивать, взывая то к здравому смыслу, то к чувству справедливости. Борис Николаевич, впрочем, не слишком поддавался на уговоры. Он большей частью молчал, но если уж говорил, то почти никогда не отступал от своего. И дело неизменно кончалось поиском формулы, приближенной к той, которая была заготовлена его командой и привезена им в портфеле. Иногда компромиссные формулы предлагали Лукьянов, кто-нибудь из участников встречи, мы с Кудрявцевым.

Элемент неуверенности в том, что мы заняты стоящим делом, вносила ироническая отрешенность, которую демонстрировал Ельцин в ходе дискуссий. На его устах почти неизменно блуждала полуулыбка, как бы говорившая, что он не слишком серьезно воспринимает всю процедуру, дело это зряшное, и ему, в общем-то, все равно, будет Договор, не будет его, поскольку Россия прекрасно проживет без Союза. Так я расшифровывал тогда скучающее, безразличное выражение его лица.

Более тщательно скрывал свои мысли Кравчук. Он сравнительно редко вступал в дискуссии, за свои поправки тоже держался цепко, но делал это без нажима, не в такой резкой и безапелляционной форме, как Ельцин. Впрочем, тогда ведь Леонид Макарович не был еще президентом, не чувствовал себя уверенно и, видимо, не желал портить отношения с Горбачевым. Была, на мой взгляд, еще одна причина, побуждавшая его не проявлять чрезмерной активности. Дело в том, что дискуссия часто касалась не общих политических вопросов, в которых украинский лидер, идеолог и пропагандист, чувствовал себя как рыба в воде, а юридических тонкостей, требовавших специальных познаний. Раз или два пришлось растолковывать их ему, особой сметки при этом не чувствовалось.

Станислав Шушкевич свободно разбирался в юридических понятиях, говорил веско и здраво, ничем не давал повода заподозрить в себе ярого националиста, в недалеком будущем — участника «беловежской тройки». Вообще же белорусская делегация и на предыдущих стадиях работы над Союзным договором обнаруживала максимум доброй воли и здравого смысла. Видимо, играло свою роль и то обстоятельство, что Белоруссия по всем статьям была идеальным членом будущей федерации. Она не собиралась рвать с Россией, и в то же время чувство собственного достоинства помогало белорусам отмерить необходимую степень самостоятельности, не допустить над собой произвола Центра.

<...>

Еще одной ключевой фигурой в новоогаревских «сидениях» был Нурсултан Назарбаев. Я проникся уважением к этому человеку, услышав его выступление на одном из пленумов ЦК. Он рисовал положение без прикрас, говорил резко, но не агрессивно, как иные ораторы. Нередко развязки удавалось находить благодаря тому, что к Нурсултану Абишевичу прислушивались и Ельцин, и Кравчук, и «автономисты». Отстаивая разумную самодостаточность республик в будущей федерации, он в то же время не хотел допустить ослабления союзных функций, сознавал, чем грозит разложение целостного народно-хозяйственного организма. Скажу теперь о том, что составило основной сюжет, можно сказать, драматическую интригу новоогаревских встреч. Это — *фундаментальный спор между союзными и автономными республиками*. Он затянул на несколько месяцев работу над проектом договора, остался недорешенным и наверняка вспыхнул бы вновь, даже если бы этот документ был подписан 20 августа. Хотя и в другой ситуации, в ином плане, эта проблема остается камнем преткновения для успокоения обстановки и в нынешней России.

<...>

Автономные республики, все без исключения, хотели, говоря юридическим языком, повысить свой статус. А проще — им надоело иметь над собой помимо центрального руководства еще союзно-республиканское. Первый тур борьбы они выиграли, когда добились принятия соответствующей резолюции на Съезде народных депутатов СССР. Но все понимали, что резолюция — это только политический документ. На деле никаких существенных изменений не произошло, и лишь признание нового статуса автономий в Союзном договоре могло положить начало реальному перераспределению властных полномочий. На протяжении новоогаревских встреч едва ли не две трети времени было посвящено этой проблематике. Руководители автономий были хорошо подготовлены, воодушевлены надеждой на скорое удовлетворение их требований. Они привели множество доводов в пользу «уравнения в правах» с союзными республиками... и встретили дружный отпор последних.

Сложилось равновесие сил, какое всегда придает особое значение Центру как арбитру. Михаил Сергеевич должен был сделать трудный выбор: целиком стать на сторону «союзников» значило оттолкнуть от себя «автономистов» и лишиться их поддержки в борьбе против сепаратистских настроений, за сохранение целостности Союзного государства. С другой стороны, стать целиком на сторону «автономистов» значило окончательно поссориться с лидерами союзных республик, поставить точку над созданным

с таким трудом новоогаревским совещанием, разрушить хрупкое соглашение с оппозицией. Словом, куда ни кинь, всюду клин.

Говорят, из двух зол приходится выбирать меньшее. В данном случае такое просто не просматривалось. Все мы долго ломали головы, как выйти из тупика. Предлагалась уйма компромиссов: дать полный перечень республик в преамбуле и тем самым как бы поставить их в один ряд; подчеркнуть равный статус всех республик, но при этом опять-таки оговорить, что одни из них входят в состав других. И так далее. Не было недостатка в самых остроумных и хитроумных формулировках. Но все понимали, что это — паллиативы, ничего не решающие на деле. Рано или поздно вопрос встанет в практическую плоскость и тогда заговорит оружие.

Лидеров автономий уговаривали не выдвигать максималистских претензий. Они же, в особенности выступавший чаще всех от их имени Президент Татарстана Минтимер Шаймиев²⁵, упорствовали, говоря, что их хотят «заманить в ловушку», заставить подписать Договор, который оставит их в неравном положении, а тем самым будут посеяны зерна многих конфликтов, из которых страна никогда не выберется.

Положение осложнялось тем, что уже в течение нескольких месяцев оппозиционная российская пресса обвиняла президента в намеренном подыгрывании автономистским настроениям, с тем чтобы «разрушить Россию». Большей глупости и подлости придумать невозможно. Это, пожалуй, один из тех случаев, когда цинизм в политической борьбе превосходит все мыслимые пределы. Действительно, ведь именно Ельцин, набирая очки, провозгласил в том же Татарстане, а затем повторял в других местах лозунг: «Берите столько суверенитета, сколько сумеете проглотить». Своей Декларацией независимости, прямым неповиновением союзным властям, провозглашением верховенства республиканских законов над союзными — всем этим российское руководство, можно сказать, толкало автономии на выдвижение своих претензий. С другой стороны, Горбачев никогда не давал повода подозревать себя в антироссийских замыслах. У него много недостатков и велик счет допущенных ошибок. Но справедливость требует сказать, что в этих вопросах он был безупречен.

Могу засвидетельствовать, что Михаил Сергеевич неизменно самым решительным образом отклонял советы некоторых доброхотов не то что натравить автономии на Россию, но даже «поиграть» на этой теме, чтобы припугнуть российских лидеров, побудить их корректней держаться по отношению к Союзному центру. Единственное, что позволял себе Горбачев, — так это предосте-

регать о неизбежном последствии антисоюзной политики Белого дома, говорить российскому президенту и законодателям, что они рубят сук, на котором сидят, и если им удастся разрушить Союз, следующая волна сепаратизма угрожает накрыть уже Россию да и другие союзные республики, в которых есть свои автономии либо национальные меньшинства, претендующие на самоопределение. Он не устал повторять, что Союз — это обруч, стягивающий не только союзные, но и автономные республики, откинуть его — значит невероятно усложнить сохранение целостности России.

Больше того, когда все эти предостережения начали сбываться, Горбачев, вопреки, казалось бы, собственным политическим интересам, использовал все возможности убеждения и даже нажима на лидеров автономий, чтобы не допустить ослабления целостности Российской Федерации. Опять-таки в то время многие советовали ему по крайней мере отмолчаться: пусть-де Ельцин сам расхлебывает кашу, которую заварил, зачем протягивать руку сопернику, когда он попал в трудное положение. Президент неизменно отводил эти доводы, говоря, что преступно заниматься интриганством, когда речь идет о судьбах России: «Не пойду на это даже ради сохранения президентского кресла». И не раз на Совете Федерации, а затем на встречах в Ново-Огарево Михаил Сергеевич страстно убеждал автономистов согласиться на приемлемый компромисс, не требовать невозможного. С пламенными речами в том же духе обращался к ним Нурсултан Назарбаев. Дважды Ельцину поручалось встретиться со «своими» автономиями и выработать взаимоприемлемую формулу. Такие встречи состоялись. Президент России обещал, что эти животрепещущие вопросы найдут справедливое решение при заключении Российского Федеративного договора и создании новой Конституции России.

<...> В конце концов страсти кое-как улеглись и путь к подписанию нового Союзного договора казался открытым. Но это впечатление было обманчивым, существовали веские основания для тревоги. По сути дела, тогда на союзном уровне разыгрывался первый раунд противостояния исполнительной и законодательной власти. Надо признать, сделав ставку на новоогаревские встречи, президент допускал пренебрежение правами парламента. Верховный Совет СССР и Верховные Советы республик были фактически отстранены от работы над Союзным договором, которая, конечно же, входила в их прерогативу и ими зачиналась. Мы с Ревенко и Кудрявцевым обращали его внимание на ненормальность такого положения, и Горбачев предлагал коллегам хотя бы регулярно информировать Верховный Совет о ходе работы. Но встречалось это без энтузиазма. Народные депутаты неделями оставались в не-

ведении в отношении того, чем занимались их президенты и председатели. Брожение в депутатской среде усиливалось. Все чаще оно прорывалось в гневных выступлениях и горьких сетованиях с трибуны Верховного Совета. Лукьянов в силу своего служебного, положения аккумулировал эти настроения и несколько раз предупреждал конклав лидеров, что в парламенте назревает бунт. Но те просто отмахивались от предостережений, полагая, очевидно, что если это и бунт, то только на коленях. Действительно, ведь реальная власть, уплыв из рук Политбюро, так и не досталась парламенту, а попала в руки новоогаревской десятки.

От раза к разу напряжение росло. Однажды дело дошло до прямой перепалки, и в перерыве разгоряченный Анатолий Иванович, решив, видимо, выместить свое раздражение на «стрелочнике», обрушился на меня с упреками в нежелании учитывать требования депутатов. Я спокойно возразил, что рабочая группа скрупулезно включает все поступающие замечания и они лежат перед каждым из участников новоогаревских встреч. Тогда Лукьянов, окончательно потеряв контроль над собой, впервые за наше долгое знакомство сказал с угрозой в голосе: «Имей в виду, это тебе даром не пройдет, придется ответить». Я тоже не удержался, послал его куда следует. На том мы расстались, а после перерыва Лукьянов подошел к моему столу проконсультироваться по одной из формулировок, нарочито показывая, что ничего между нами не случилось.

Теперь, когда я описал персонажи «новоогаревской драмы», стоит сказать и об общем впечатлении, которое она оставила. Заседания проходили с довольно большими интервалами во времени, в течение которых в стране происходило много тревожных событий. Продолжали рваться хозяйственные связи. Нарастали социальные волнения. Все более агрессивно вели себя народные фронты. Словесные баталии в парламентах и перепалка газет — все это через телеэкран выплескивалось на возбужденное нервное общество и, конечно, не могло не влиять на настроение участников того, что стало принято именовать «новоогаревским процессом». Хотя Ново-Огарево казалось отгороженным от внешнего мира высокой каменной стеной, защищено колючей проволокой и многочисленной охраной, дискуссия, которая там велась, была лишь отражением нараставшего кризиса. Страна в муках решала для себя вопрос: оставаться и дальше такой, какой она была, либо разделиться, а если разделиться, то как именно.

Каждый раз, когда сообщалось об очередной встрече союзных и республиканских лидеров, у издерганных людей появлялась надежда, что будут найдены мудрые согласованные решения и мы начнем наконец выбираться из кризиса. Уже сам факт этих

встреч успокаивал, приглушал политические страсти. Несмотря на, как я уже сказал, длительные интервалы, они сливаются в сознании — своего рода спектакль в нескольких актах. Горбачев как его режиссер-постановщик выбирал декорации, определял порядок мизансцен, верховодил статистами. Но, увы, он уже не распределял роли и тем более не мог наставлять главных исполнителей, которые вполне свободно импровизировали. К суфлерам, за которых можно принять советников и экспертов, тоже мало кто прислушивался, а играли актеры больше для себя и друг для друга, потому что публика на спектакли не допускалась, как она реагирует на каждую реплику — аплодисментами или свистом — оставалось тайной.

Ну, а содержание пьесы писала сама История. Мне почему-то кажется, что, если бы «новоогаревцы» могли заглянуть на год вперед и увидеть народную беду, до которой довело растаскивание страны, они не захотели бы искушать судьбу, за пару дней согласовали документ и поставили под ним свои подписи. Перебирая мысленно всю эпопею с Союзным договором, начиная с тех дней, когда, заседав в Волынском, я набросал по поручению Михаила Сергеевича первый вариант проекта, и до того момента, когда Договор был подготовлен для подписания, над ним корпели тысячи людей. Помимо официально назначенных экспертов, на конкурсной основе и просто так, в порядке самодеятельного творчества, были созданы десятки альтернативных проектов. Но первоначальный вариант и по структуре, и по содержанию в основе своей сохранился. И мне кажется, это свидетельствует о том, что сам замысел превращения Союза в полнокровное федеративное государство был правилен, отвечал истинным потребностям страны. Можно ведь по-разному располагать те или иные статьи договора, начинать с провозглашения принципов или кончать ими, но сама конструкция федерации диктует определенный набор требований, без соблюдения которых ничего путного не получится.

Сверхзадачу нового договора Горбачев выразил формулой: сильный Союз — сильные республики. Вместо этого мы имеем теперь слабый союз в виде СНГ и столь же ослабленные распрями независимые государства, а В. В. Путину в нелегкой борьбе с «осуверенившимися» благодаря Ельцину субъектами приходится восстанавливать «вертикаль власти», чуть ли не собирать заново Государство Российское. Впрочем, история договора, как и новоогаревский процесс, не завершилась августовским фиаско. Был еще второй акт, также изобиловавший радужными проблесками и опасными поворотами.

<...>

Заговор

<...>

Президент СССР имел обыкновение уходить в отпуск в августе и проводить его на Южном берегу Крыма. Одновременно он предлагал своим помощникам отдыхать в то же время. Санаторий «Южный», в котором находился я со своей семьей, расположен в нескольких километрах от государственной дачи президента в Форосе. Горбачев привык интенсивно работать во время отпуска. В этот раз он писал статью, в которой хотел подвести итоги сделанного за годы перестройки. Параллельно готовилось его выступление на торжественной церемонии подписания нового Союзного договора 20 августа. На этот счет Михаил Сергеевич несколько раз звонил мне по телефону; последний такой разговор состоялся 18 августа в 15.50. Сколько бы ни говорили о суевериях и предрассудках, даже самые отъявленные скептики не отрицают предчувствий. Выйдя в три часа дня прогуляться, мы с Примаковым, отдохнувшим в том же санатории, завели разговор об угрожающем поведении высших сановников, которые все более открыто бросают вызов президенту. Говорили, что нельзя проходить мимо провокационных высказываний правых депутатов и генералов, которые можно расценить как призыв к мятежу. Разошлись, условившись откровенно поставить эти вопросы перед президентом сразу же после подписания Договора. Едва я вернулся к себе, раздался звонок. Михаил Сергеевич поинтересовался, есть ли у меня какие-нибудь новости, но я мог поделиться лишь впечатлениями от последних газетных публикаций. Затем он коснулся предстоящего своего выступления, сказал, что после подписания Союзного договора намерен посоветоваться с главами республик, с чего и как начать его воплощение в жизнь.

— Ты готов лететь со мной в Москву?

— Разумеется, — ответил я. — Вернемся через два-три дня, успеем еще поплавать.

— А как ваша поясница? — спросил я, зная, что у него разыгрался радикулит.

— Да все в порядке. Анатолий (врач Михаила Сергеевича. — Г. Ш.) подлечил, так что я в полной форме.

Положив трубку на рычажок, я тут же поднял ее вновь, чтобы поговорить с Черняевым, который, как обычно, находился в командировке, помогая президенту во время отпуска. Гудка не было. Молчал и городской телефон. Может быть, обрыв? В конце концов всякое могло случиться на узкой полосе земли между морем и горами. Я взглянул на часы — ровно четыре. Подождем, когда связь восстановят. Однако прошел час, два, все оставалось по-прежнему.

Начала зарождаться тревога. Она окрепла, когда мы узнали, что телефоны отключены во всей санатории. Оставалось ждать, пока вернется Черняев. Обычно он приезжал к ужину, но вот уже 10, 11 часов, а его все нет. Для тех, кого интересуют психологические подробности, могу сказать, что в тот момент все еще не было у меня, да и у других, с кем пришлось общаться, мысли о государственном перевороте или внезапно начавшейся войне. Нет, в голову приходила возможность очередного стихийного бедствия или крупной аварии типа чернобыльской, которые могли изменить обычный порядок вещей и потребовать принятия чрезвычайных мер. В таком случае президент мог не отпустить Черняева, они были заняты какими-то спешными делами. Так или примерно так мы представляли себе ситуацию в затянувшихся до поздней ночи разговорах и тревожных раздумьях. А утром по телевидению уже передавали обращение ГКЧП. Затем пресс-конференция «шестерки». Тогда стала ясной и причина внезапного отъезда в Москву министра внутренних дел Б. К. Пуго²⁶, который тоже отдыхал в «Южном» и улетел по срочному вызову 18 августа. Ни у кого из нас не возникло сомнения, что речь идет о попытке переворота, логично было ожидать, что люди, отважившиеся на это, постараются прежде всего изолировать ближайшее окружение президента. Я не сомневался, что с часу на час за нами придут. Надо было узнать, что происходит в резиденции Горбачева, однако нам сказали, что все отдыхающие должны оставаться в санатории, дорога в Форос заблокирована погранчастями. Без особой надежды на успех мы обратились с требованием предоставить нам, как народным депутатам СССР, возможность немедленно вернуться в Москву, на что неожиданно получили согласие. Сначала Примаков, а затем и я выехали в Симферополь и без всяких препятствий вылетели в столицу. Во время полета, проходившего по расписанию на комфортабельном широкофюзеляжном самолете, была включена запись по радио — заявления Ельцина, призвавшего к решительному противодействию заговорщикам. Это говорило и о настроениях экипажа, и о том общем скепсисе, с каким были встречены декларации гэкачепистов. Похоже, мало кто из мыслящих людей не понимал (или предчувствовал?), что авантюра обречена на провал. В аэропорту Внуково мне рассказали, что, по сообщению подпольной в тот момент радиостанции «Эхо Москвы», я и моя семья арестованы. На улицах подходили незнакомые люди, с беспокойством спрашивая, не задержан ли мой сын — кинорежиссер²⁷, поставивший ряд популярных фильмов. Люди с облегчением воспринимали, когда я говорил, что этого, к счастью, не случилось, было трогательно принимать эти знаки

солидарности. Без помех пройдя в свой кабинет в здании ЦК КПСС на Старой площади (аппарат Президента не успел «переселиться» в кремлевские помещения), я попытался связаться по телефону с Лукьяновым и Ивашко. Однако секретари сообщили, что первый занят, проводит совещание, а второй болен. Единственный, с кем удалось переговорить в тот день, был член Политбюро, секретарь ЦК Дзасохов. Я поинтересовался, какие меры намерено принять руководство партии. Он ответил, что Ивашко в больнице, остальных до сих пор собрать не удалось, да и неизвестно, какой из этого может быть толк. Я возразил, что у партии, ее руководства единственный шанс сохранить лицо — немедленно заявить о своем решительном осуждении заговора, призвать коммунистов к противодействию и потребовать освобождения Генерального секретаря ЦК, Президента страны. Иначе КПСС — конец. Дзасохов согласился, обещал сделать, что может, чтобы собрать Политбюро и принять соответствующее решение. Вечером того же дня он позвонил мне и сообщил, что встреча руководства, хотя и не в полном составе, состоялась, однако провести решение, осуждающее ГКЧП, не удалось. Политбюро ограничилось заявлением, что до освобождения генерального секретаря партия не может вынести своего суждения о случившемся. Это был трусливый ход, попытка уйти от ответственности, типичная для партийной элиты, которая на протяжении всей перестройки фактически тащила за генсеком, делая вид, что поддерживает его революционные начинания, а в душе своей не разделяла его взглядов и, как могла, прямо или косвенно, саботировала реформы. По некоторым данным, только немногие (один из них — секретарь ЦК Андрей Николаевич Гиренко²⁸ настаивали на осуждении путчистов. Так был упущен исторический шанс спасения партии. Я возвращался домой вечером, шел через Центр, было немногочисленно и не видно признаков того, что столица находится на военном положении, а буквально в полукилометре от затихшего Арбата разворачивается драматическое противостояние, грозящее перейти в кровавое побоище. Встав задолго до рассвета 21 августа, я набросал несколько тезисов своего выступления, еще не будучи уверенным, смогу ли его произнести. Раздавались звонки. Журналисты, радиокомментаторы, друзья, сослуживцы по президентскому аппарату — все они интересовались, что было на юге, как здоровье Михаила Сергеевича. Рассказав им все, что знал, я вместе со своим консультантом Ю. М. Батуриным отправился в Белый дом, где шло заседание Верховного Совета РСФСР. Подъехать к нему не удалось, пришлось остановиться на противоположном берегу Москвы-реки и идти через мост, перекрытый в ряде мест троллейбусами и автобусами. Все пространство во-

круг белокаменного здания было заполнено людьми, царило необычайное возбуждение, на лицах отражалась решимость стоять до конца, но уже не было ощущения опасности. Нас несколько раз останавливали, проверяли документы и пропускали, удостоверившись, что имеют дело с помощником президента. Некоторые расспрашивали о его здоровье. Пришлось взбираться на каменные глыбы, преодолевать другие препятствия в наспех сооруженных баррикадах. Едва войдя в зал, где шло заседание, я послал записку в президиум с просьбой предоставить слово, и через несколько минут, сразу же после выступления Бакатина, был приглашен председателемствовавшим Хасбулатовым²⁹ на трибуну. Позволю себе воспроизвести основные тезисы своего выступления. Я начал с решительного осуждения методов введения чрезвычайного положения. Обстановка действительно тяжелая, во многих отношениях она требует исключительных мер. Но эти меры должны приниматься в рамках закона, уже созданных и действующих политических институтов, а не на путях произвола. Могут возразить: «Тут не до юридического чистоплюйства, надо спасать страну!» Но все дело как раз в том, что независимо от намерений такие действия приводят к противоположным результатам. Хотели укрепить порядок, а ситуация резко обострилась. Хотели ударить по сепаратизму, а вызвали усиление центробежных тенденций. Хотели улучшить положение в экономике, а кризис стремительно углубляется. Хотели укрепить международное положение СССР, а существенно его подорвали. И так во всем. Случившееся точнее всего охарактеризовать метафорой: это — хуже, чем преступление, это — ошибка*. Страна оказалась в положении пикирующего самолета, который уже не спасти без экстраординарных усилий.

Выбор момента для введения чрезвычайного положения показывает, что главной его целью было не допустить подписания нового Союзного договора. Не секрет: против этого ополчились крайне правые и крайне левые, те, кто готов разорвать Союз на части, и те, кто хотел бы сохранить сверхцентрализованное, неизбежно опирающееся на силу унитарное государство. В итоге длительной напряженной работы достигнут компромисс, приемлемый для всех ответственных политических сил, за которыми идет огромное большинство народа. Иного способа принятия решений в демократическом обществе не существует. Договор, естественно, не может удовлетворять всех в равной мере, на то он и Договор. Но ведь его подписание — не финиш, а лишь начало

* Выражение Ж. Фуше по поводу приказа Наполеона расстрелять герцога Энгиенского

преобразования Союза. Впереди — принятие Конституции, нового избирательного закона. У всех политических сил есть легальные возможности пропагандировать и проводить свою точку зрения.

Нельзя не пожалеть о том, что нарушено согласие, достигнутое ценой огромных усилий и обещавшее вывести страну из «войны законов». При этом ГКЧП заявляет, что будет продолжаться курс реформ, начатый Горбачевым. Спрашивается: для этого надо было отстранить его от власти? Поскольку же ссылаются на болезнь президента, должен дать справку. Я отдыхал в санатории на Южном берегу Крыма. Михаил Сергеевич несколько раз связывался со мной по телефону. Мы обсуждали ряд предстоящих мероприятий, в частности его выступление при подписании Союзного договора 20 августа. Президент позвонил в последний раз 18-го в 16.00, спросил: «Завтра едем?» В конце разговора я поинтересовался его здоровьем, ответ был: все нормально, подлечился, можно ехать.

В заключение я сказал: «Правы те, кто призывает к спокойствию и выдержке. Но спокойствие — не ценой капитуляции перед беззаконием и произволом. Мы должны сказать организаторам переворота: остановитесь, не усугубляйте свою вину и не доводите до катастрофы, которую вы, по собственным вашим словам, хотели предотвратить. Прежде всего необходимо вернуть войска в казармы и допустить к президенту группу народных депутатов, восстановить конституционный порядок».

Мне поаплодировали. Был объявлен перерыв. Я вышел на площадь и стал пробираться сквозь густую людскую массу к Калининскому проспекту. Некоторые останавливались, интересовались деталями «крымской эпопеи». Как раз в этот момент через громкоговорители передали сообщение, что заговорщики арестованы — правда, чуть позднее выяснилось, что информация Би-би-си не подтвердилась. Впрочем, это уже не имело большого значения, поскольку задержание произошло вечером того же дня и на другой день. Собравшиеся вокруг Белого дома ликовали, ощущая себя в тот момент участниками действительно исторического события. Наверное, такое же чувство владело парижанами, когда они разрушили Бастилию и водрузили на будущей площади Согласия древко с плакатом «Здесь танцуют!». Мы направились на Старую площадь, где в помещении Союза предпринимателей состоялась пресс-конференция. Бакатин и Примаков сообщили, что вместе с А. В. Рукмим и И. С. Силаевым летят в Крым «вызывать Президента». Ответил на несколько вопросов иностранных корреспондентов и я.

Вот, собственно говоря, непосредственные впечатления от тех двух дней, когда политика делалась на улицах. Затем она вернулась

в кабинеты, но отнюдь не для того, чтобы войти в обычное для себя русло. События продолжали развиваться стремительно, намного превзойдя по своему масштабу и последствиям все происшедшее до того. Провалившийся заговор сорвал покровы с партийно-государственных структур, которые отчаянно сопротивлялись реформированию общества. Плотины рухнула, и хлынувший поток (какой именно — я долго думал над эпитетом, но так и не сумел охарактеризовать его одним словом) смел все преграды, еще вчера казавшиеся могущественными и неодолимыми.

<...>

В действительности Ново-Огарево стало символом единственно рациональной политики в условиях происходивших у нас структурных реформ. Это ведь не что иное, как *формула согласия*. В период, когда рухнувшая тоталитарная система грозит погрести страну под своими обломками, когда маячит опасность новой гражданской войны вокруг на сей раз «наследия социализма», когда весь мир трепещет перед тем, к чему это приведет на земле, насыщенной ядерными боезарядами и атомными станциями, в этот период более всего нужны здравый смысл и высочайшее чувство ответственности у власть предержащих. Их-то они и проявили, собравшись в Ново-Огарево, а после августовских потрясений — возобновив свои встречи на заседаниях Государственного совета. Но остановить лавину уже не удалось. Заговор обреченных обрек страну на распад.

Последняя попытка

Многие обращали внимание на внешнее сходство Горбачева с Бонапартом. Тот же чеканный профиль, решительная походка, горделивая осанка... Но есть некое сходство и в их судьбе. Наполеон после бегства с Эльбы и возвращения в Париж продержался у власти 100 дней. Горбачев, после того как его вызволили из заключения в Форосе и восстановили в правах президента, оставался им 125 дней, а если не быть формалистами (или, напротив, быть ими?), нужно вычесть отсюда еще 17 дней: с 8 декабря, когда Ельцин, Кравчук и Шушкевич сговорились в Беловежской Пуще распустить СССР, у главы Союзного государства не было больше государства. Наполеон предпринял последнюю отчаянную попытку отстоять трон, и она стоила жизни десяткам тысяч человек, павших под Ватерлоо.

<...>

Горбачев отказался от попытки отстоять целостность Союзного государства ценой неизбежной в таком случае гражданской войны.

Был ли у него малейший шанс добиться этого политическими средствами в борьбе с объединившимися президентами, а затем и Верховными Советами России, Украины и Белоруссии, к которым через неделю примкнули президенты и парламенты еще шести бывших советских республик, ныне независимых государств? Ответ на этот вопрос мы получим, еще раз прокрутив в памяти роковые 110 дней. К чему, однако, все эти поверхностные параллели? Что общего, за исключением легкого портретного сходства и случайного совпадения дат, у выдающегося полководца, сколотившего могущественную империю, и советского лидера, которого доброжелатели жалуют как неудачника, а противники проклинают как виновника развала великой супердержавы? Я прошу читателей самим поразмыслить над этим, а своей догадкой поделюсь в конце книги. Если три дня — 19, 20 и 21 августа — угрожали вернуть Советский Союз к тоталитарной системе правления, а мир — к «холодной войне», то три дня — 24, 25 и 26 августа — ознаменовались разрывом с существовавшей в СССР на протяжении 73 лет политической и экономической системой. Волею судьбы мне довелось быть свидетелем того, как разворачивались события в их эпицентре — в кабинете Президента СССР в Кремле. Если смотреть на историю с высоты веков, кажутся не столь уж важными детали событий, тем более — побуждения, двигавшие людьми. И все же в этом огромном историческом полотне есть эпизоды, когда приобретает значение каждый час, если не минута. Аналитики дотошно устанавливают календарную последовательность фактов, имевших место в эти драматические августовские дни. И особенно их интригует крутой поворот, который, казалось бы, произошел в мышлении и решениях М. С. Горбачева где-то между 23 и 25 августа. Мне кажется, в поисках достоверного ответа нужно учесть психологическую сторону дела. Прилетев в Москву, президент находился под сильным впечатлением от перенесенного. Не следует забывать, что он подвергся грубому насилию, причем со стороны людей, которым безгранично доверял. В течение 70 с лишним часов Горбачев был лишен связи с внешним миром и мог ожидать худшего. Припертые к стене заговорщики могли решиться на все, в том числе — физическое насилие над президентом, включая применение психотропных препаратов, лишаящих памяти и воли. Что это было возможно, свидетельствуют попытки получить от врачей официальные заявления о болезни и недееспособности президента*.

Нельзя упускать из вида и то, что вместе с М. С. Горбачевым находилась его семья. Тревога за судьбу близких людей не могла

* Горбачев М. Путч. М.: Новости, 1991.

не усугублять положение. Возвращаясь мысленно к тому, что ему пришлось пережить, нужно воздать должное его человеческому и гражданскому мужеству. Нетрудно представить, насколько серьезней стали бы шансы заговорщиков на успех, если бы им удалось вырвать у Горбачева хотя бы косвенное согласие на введение чрезвычайного положения. Переворот был бы фактически легализован, и это намного затруднило серьезное ему противодействие.

Вернувшись в Москву и будучи вынужденным сразу же выступить с рядом публичных заявлений (сначала на пресс-конференции, а затем на заседании Верховного Совета РСФСР), он просто еще не мог «переключиться», осознать целиком значение совершившегося и тем более извлечь из него уроки. Что это так, лучше всего свидетельствуют подробные, часто детализированные рассказы обо всем, что произошло на даче в Форосе. Он говорил об этом не только потому, что его просили, но и потому, что мыслями был все еще прикован к тем злополучным дням своей жизни. Характерно, что, и собрав свое близкое окружение в так называемой Ореховой комнате 23 августа, Михаил Сергеевич большую часть времени уделил подробному рассказу о случившемся в Форосе. Лишь в конце дня разговор переместился с этой истории на обсуждение политической ситуации. Но по-настоящему всесторонний серьезный анализ был дан на следующий день — 24 августа, когда в кабинете президента собрались Яковлев, Примаков, Медведев, Ревенко и мы с Черняевым. В течение субботнего дня были не только приняты «по идее», но написаны, отредактированы и подписаны президентом кардинальные решения, означавшие, по сути дела, конец одной и начало другой эпохи политического развития страны.

<...>

Зная о настроениях среди части депутатов Верховного Совета России, некоторые из нас не советовали президенту идти на сессию. Но он возразил, что труса праздновать не станет, бояться нечего, надо все разъяснить, и люди поймут. К сожалению, сбылись худшие опасения. Его перебивали выкриками и оскорбительными репликами, издевательски смеялись, а Президент России, нарочито игнорируя предостережение Горбачева, стоявшего на трибуне, подписал в Президиуме Указ о запрете КПСС³⁰. В тот момент стало окончательно ясно, что великодушия от своего соперника Михаилу Сергеевичу не дожидаться, будет делаться все, чтобы его унижить и добить.

Так завершилась самая горячая послеавгустовская пора. Тогда все было предрешено. Оставшиеся до финала четыре месяца были заполнены отчаянными, увы, бесплодными попытками спасти Союз.

Уже 27-го утром Горбачев вызвал меня по селектору: — Георгий, ты занимаешься Союзным договором? — Мне и в голову не приходило, — откровенно ответил я. — Ну так вот, берись и не медли. — А вы уверены, что удастся возобновить все это, по крайней мере в ближайшее время? — Уверен не уверен — не тот разговор. Будем сидеть сложа руки, окончательно все проиграем. Страну растащат к чертовой матери. — Но ведь обстановка совсем не та. Республики захотят урвать побольше прав. — Конечно, а мы, со своей стороны, должны им объяснить, что без Союза ни одна из них не выживет. Даже Россия. Всем будет плохо. Кое-что можно поправить, но все-таки держись ближе к согласованному тексту. Соберитесь в ближайшие дни с Ревенко, Кудрявцевым и дайте мне предложения. На этом он отключился, и уже на следующий день у меня собралась рабочая группа, участники которой не разделяли оптимизма шефа. Все мы отдавали себе отчет, что отныне политическая погода в стране все меньше зависит от Кремля и все больше от Белого дома. В этих условиях было малопродуктивно браться за дело, не попытавшись выяснить намерений Ельцина и его команды. Как они теперь относятся к самой идее заключения нового Союзного договора, что предпримут, не воспользуются ли ситуацией, чтобы вовсе поставить на Союзе крест, о чем мечтали чуть ли не с самого начала? Сделав с учетом новых реалий поправки в проекте, я начал звонить помощникам российского президента Шахраю и Станкевичу. Оба они не стали раскрывать карты, заявив, что Ельцину сейчас не до этого, да и вообще Союзный договор, похоже, выпал из повестки дня, утратил актуальность. Со слов Михаила Сергеевича, примерно то же говорил ему и сам Ельцин; он явно не торопился возвращаться в Ново-Огарево. По многим признакам становилось ясно, что в «мозговом центре» Белого дома решено вернуться к идее подмены Союза серией двусторонних договоров России с республиками и, возможно, четырехстороннего соглашения России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Горбачева и Верховный Совет СССР при этом старательно обходили. Мы были подвергнуты своего рода политическому и информационному ostracismu. Это ощущалось даже в том, что днями, а то и неделями невозможно было соединиться с ключевыми фигурами по телефону — наталкивались на бесконечные отговорки: занят, уехал, проводит совещание.

Между тем Горбачев теребил, требуя, как можно скорее выяснить позицию руководства России и других республик. Этим занимался Ревенко, названивая чуть ли не ежедневно президентам и их помощникам. Картина складывалась невеселая. Готовы были сразу же вернуться в Ново-Огарево и засесть за проект Союзного

договора среднеазиатские лидеры, хотя и они заявляли о необходимости существенной корректировки текста. По-прежнему конструктивно были настроены белорусы. Но наряду с двусмысленной, во многих отношениях обструкционистской линией российского руководства серьезным препятствием для продолжения работы над Союзным договором становилось негативное отношение к нему Киева. Из умеренного сторонника Союза Л. М. Кравчук, движимый честолюбивыми замыслами стать национальным лидером самостоятельной Украины, а в большей мере — под нажимом Руха, превратился сначала в скрытого, а затем и открытого противника.

Правда, все это случилось не сразу. Горбачеву удалось убедить Ельцина в желательности возобновления новоогаревских встреч. Но согласие это было дано только при том условии, что будет подготовлен новый проект Договора с установкой уже не на федерацию, а конфедерацию. И сделать это должны были сообщники с советниками Белого дома. Персонально Ельцин поручил заняться этим Г. Э. Бурбулис, С. М. Шахрай и С. Станкевичу.

Теперь уже Шахрай сам позвонил мне, и я предложил встретиться, чтобы обсудить концепцию нового варианта. Такая встреча состоялась у меня в кабинете. Обменявшись мнениями, мы условились, что ельцинская команда подготовит свой вариант, после чего начнется практическая отработка текста. Спустя неделю мы получили такой документ. Зачитав его, я понял, что никакого Союза в Белом доме оставлять не собирались. Это было примерно то, что потом получило название «Содружество Независимых Государств». Но выбора не было. Я проинформировал президента, и он велел искать компромисс, добиваясь, тем не менее, чтобы за основу был взят наш вариант. Начался длительный торг, и после двух-трех туров совместной работы мы более или менее сошлись на компромиссном проекте.

<...>

Главным предметом был Союзный договор. Бурбулис и Шахрай начали доказывать, что представленный вариант негоден, потому что основывается на старой концепции создания Союзного государства, а не Союза государств. Их доводы сводились примерно к следующему: сейчас сложилась недееспособная структура политической власти, поскольку одновременно существуют два президента. Договор в нынешних условиях означал бы нечто вроде приглашения России с самой собой. Раньше Россия как «донор», спаситель Союза ложилась на амбразуру, чтобы прикрыть любую брешь в нем. Она готова была сделать это в том числе ценой собственной гибели. Теперь, после 19 августа, это невозможно, потому что республики просто ушли и не хотят возвращаться

в прежнее состояние. Возможен в новых условиях лишь договор между ними при посреднической деятельности Горбачева. Роль его сейчас даже поднялась, а в дальнейшем будет зависеть от того, насколько он поймет иллюзорность сохранения Союза как государства. Надо помочь договорному процессу, в результате которого Россия станет правопреемницей Союза.

Вожделенное экономическое соглашение также нереально. Республики закусили удила. Украина ведет себя как политический недоросль. Поэтому мы должны спасти Россию, укреплять ее независимость, отделяясь от всех остальных. Вот после того, как она встанет на ноги, все опять к ней потянутся, вопрос можно будет решать заново. В этих рамках просматривается и «личная перспектива». Мы понимаем, что Горбачев — выдающийся реформатор, он по-прежнему играет большую роль на мировой арене. Если будет объявлен договорный процесс по сценарию России, понадобятся координационные структуры для осуществления оборонной стратегии, выращивания дипломатических органов (так сказал мой визави). Все эти функции никто не может выполнить лучше Горбачева. Борис Николаевич рассматривает как своего рода кодекс чести — помочь Михаилу Сергеевичу в данных условиях найти оптимальный для себя вариант. А он заключается в том, чтобы быть председателем в Союзе государств. Бурбулис добавил, что Госсовет — не орган государства, а некая дренажная система, раздевалка, в которой каждый заботится лишь о своем интересе. Республики начали сбрасывать многомиллионные суммы денег в российские банки, чтобы потом перекачать себе материальные богатства России.

Я сказал, что в целом согласен с концепцией, согласно которой Россия на время должна «заняться собой, собраться с силами». Но сейчас вопрос в том, чтобы не ошибиться в тактике, придерживаясь одной стратегии. Можно разрушить Союз и распустить его официально, однако рассчитывать, что удастся повторить опыт 20-х годов, нереально. За те несколько лет, на протяжении которых Россия будет приходить в себя, бывшие республики разойдутся по разным отсекам, втянутся в другие союзы, блоки, возвращать их силой, разумеется, никто не захочет. Поэтому целесообразно сохранить Союз именно как обруч на это переходное смутное время. Причем это двойной обруч, он служит не только самому Союзу, но и России. Один из важнейших новых постулатов Договора гласит: пока республики остаются в Союзе, не ставится вопрос о границах, если же они будут уходить, этот вопрос должен быть обсужден заново. Готовы ли собеседники отдать Крым Украине, если она выйдет из Союза? Ни в коем случае — прозвучал дружный ответ.

Во время нашей беседы меня вызвали к телефону и соединили с Горбачевым. Выслушав, о чем идет разговор, президент начал вновь убеждать меня, что нужно иметь единое Союзное государство. А когда я возразил ему, что дело сейчас не в слове — с досадой сказал, что, видимо, и меня убедили «все эти бурбулысы». Он сухо прервал разговор, а когда я вернулся, позвонил вновь, чтобы узнать о конечных результатах. Уже самым обращением «Жора» он как бы извинился за то, что был перед этим несправедлив. Надо отдать ему должное: чутко ощущает, когда без оснований обидит человека. Тем не менее по существу дела он по-прежнему стоял на своем. Самое любопытное, однако, в том, что где-то около 10 вечера мне позвонили из приемной и сообщили, что Ельцин прислал из дома отдыха, где он проводил отпуск, вариант договора со своими замечаниями. Я тут же запросил его и убедился, что Борис Николаевич пошел на гораздо большие уступки Михаилу Сергеевичу, чем это намеревались сделать его соратники. Я вновь соединился с Горбачевым, сообщил ему о замечаниях, он признался, что звонил Ельцину, просил его поскорей определиться.

<...>

Мы еще несколько дней «толклись» над Договором, пытаюсь, где можно, усилить союзное начало. Кое-что удалось отстоять. Отправляя президенту согласованный на рабочем уровне проект, я, откровенно говоря, полагал, что он будет удовлетворен и велит послать его в республики. Вышло не совсем так. На другой день ранним утром я был приглашен к нему, и состоялась самая крупная за время нашей совместной работы размолвка.

— Что же вы, братцы, сложили оружие, без боя сдали все позиции! — без предисловия начал Михаил Сергеевич. — С чего вы взяли? Напротив, в основу проекта как раз положен наш вариант. Россияне согласились отказаться от предложенной ими структуры, которая, по существу, упраздняла Союз. Горбачев сердито взмахнул рукой.

— При чем тут структура. Это последнее дело. Гораздо важнее то, что вы капитулировали по главным пунктам.

— Каким именно? — Прежде всего Союзное государство или Союз государств? Категорически нельзя соглашаться с последней формулой.

— Вы сказали, что теперь приходится соглашаться на конфедерацию. А что такое конфедерация, как не Союз государств. Да и само название нашей страны — Союз республик, то есть Союз государств. И знаете, Михаил Сергеевич, дело ведь не в названии. Какое бы словечко мы тут ни оставили бы — федерация, конфедерация, — все будет зависеть от реального распределения

полномочий. А в проекте четко прописаны все функции союзного государства — оборона, транспорт, связь, границы, гражданство. Если говорить всерьез, в мире нет ни одной конфедерации. Конфедерация — это временное состояние между федерацией и унитарным государством...

— Будешь мне лекции читать, — рассердился президент. — Это я и без тебя знаю, в университете учил. Сейчас речь не о словечках, а о существе дела. Извольте написать: Союзное государство. Никаких возражений слушать не хочу. Пошли дальше, — продолжал Горбачев, — почему выкинули союзную конституцию? Их логику я понимаю: нет Конституции, нет и государства.

— Мы исходили из того, что Союзный договор плюс Декларация гражданских прав, которую уже принял Верховный Совет СССР, составят конституционную основу. Это не все. Никто не мешает будущему союзному парламенту принять конституционный закон об устройстве союзных органов власти и управления. Ну и в самом Союзном договоре прописаны основные позиции — я имею в виду президента, Верховный Совет, Суд, Прокуратуру и т. д.

— Кстати, о президенте. Ни в коем случае нельзя соглашаться, чтобы он избирался парламентской ассамблеей. Получается, что глава союзного государства будет просто марионеткой, целиком зависеть от республик. — Согласен. Мы долго спорили, но так и не удалось отстоять эту позицию. Может быть, вы попытаете поговорить непосредственно с Борисом Николаевичем?

— Я-то попробую, — сказал он. — А пока вот по всем этим трем пунктам пишите то, что я сказал, и тогда будем рассылать.

— Как, не показывая россиянам?

— Да, да. Нечего тянуть с этим.

— Но может быть скандал.

— Не надо бояться, Георгий. Что вы перед ними на задних лапках ходите! Держите себя с достоинством. Ты что, подпал под влияние Бурбулиса? — Михаил Сергеевич, — возразил я, — еще раз хочу сказать, что они уступили гораздо больше, чем мы. Я считаю подготовленный текст оптимальным, он соответствует соотношению сил. Начнем упираться, требовать слишком многого, можем потерять все.

Ответом было повторение, что не надо бояться, паниковать и т. д. Я, разумеется, был раздосадован этим разговором. И не только из-за колкостей, которые воспринимал спокойно, потому что знал, что Михаил Сергеевич говорил это в сердцах, отыгрывался в тот момент на мне, чувствуя на деле свое бессилие. Нет. Меня больше тревожило, что если шеф заупрямится, переоценит свои возможности, то тем самым только даст своим противникам шанс

сделать то, чего они давно добиваются — вовсе сорвать работу над договором.

«Ах, вы не хотите, все тянете в сторону унитарного государства, не желаете признавать суверенитет республик, вновь навязываете нам диктат ненавистного центра — что ж, оставайтесь при своих интересах. А мы продолжим заключать двусторонние договоры, а то и создадим свой новый союз на чистом месте». Вот чего я боялся. Но делать нечего. Получив безоговорочное указание, я в течение пяти минут внес поправки, подготовил текст, и на другой день Горбачев его разобрал с приглашением собраться вновь в Ново-Огарево. Как и следовало ожидать, работа застопорилась уже на преамбуле, где теперь было восстановлено союзное государство. Ельцин заявил, что категорически не может принять этой формулы, и вообще это совсем не тот проект, который согласовывался с россиянами. Начались долгие дебаты, в конце концов Горбачеву пришлось-таки пойти на попятную — слова «союзное государство» были убраны из текста. Долго толковали вокруг разделения полномочий. Опять «зациклило», когда подошли к проблеме бывших автономий. Но все эти трудности можно было в конечном счете преодолеть. Блеснула была надежда повторно подвести Договор к подписанию, когда вдруг из Киева последовал отказ участвовать в дальнейшей работе и обещание вернуться к вопросу о возможности вхождения Украины в Союз только после президентских выборов.

Горбачев предложил завершить подготовку проекта и начать подписание, имея в виду, что Украина, как и некоторые другие республики, присоединится к нему позже. Но Ельцин решительно отклонил это, заявив, что без Украины Россия подписывать договор не станет. Подозреваю, у него была уже достигнута на этот счет предварительная договоренность с Кравчуком. Начинался финал.

Финал

Жизненные испытания люди переносят по-разному. Одни покоряются судьбе, пассивно и отрешенно наблюдают за тем, как их челн катится в стремнину. Другими овладевает бешеная жажда деятельности; мобилизуя скрытые резервы организма, они творят чудеса, нередко ухитряются выкрутиться из самых тяжелых передрыг, спасти, казалось бы, безнадежное предприятие. За свои 110 дней Горбачев действовал чаще всего в таком ключе. Стараясь спасти Союз, не давал покоя ни себе, ни своей команде, работал до изнеможения, без конца изобретал какие-то ходы, до хрипоты доказывал республиканским лидерам, парламента-

риям, журналистам, народу, что «мы не можем разделиться!», это абсурд, безумие, следствием которого могут быть величайшие бедствия — голод, гражданская война, большая кровь.

Отчаянная активность прерывалась иногда периодами не свойственной ему апатии. Они не были вызваны физическим состоянием — президент не жаловался на здоровье, просиживал, как всегда, рабочий день с 10 утра до 10–11 вечера, занимался текущими делами, был досягаем для помощников и посетителей. Но казалось, бесконечная бесплодная борьба, не приносявшая результатов, изматывала его и побуждала хоть на день-два отвлечься, переключиться на второстепенные, ничего не значащие дела, малость прийти в себя. Пережив очередной приступ такой опустошенности, и, позволю предположить, не без труда отведя все чаще мелькавшую мысль о безнадежности задачи, какую он хотел решить, президент возвращался в обычное свое деловое состояние.

Это чередование активности с бездействием продолжалось до финала. Начало конца союзному государству было положено комплексом решений, принятых «девяткой» и без особого труда навязанных ошеломленным народным депутатам. Это — признание необходимости подписания Союзного договора, а также отдельных соглашений — экономического, оборонного и других, — в которых могли бы принять участие республики, не пожелавшие войти в состав Союза; сосредоточение исполнительной власти в руках Государственного совета, состоящего из руководителей союзных республик во главе с президентом СССР; образование республиками на паритетных началах Межреспубликанского экономического комитета для координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ и социальной политики.

Завершив свой недолгий жизненный путь, V внеочередной Съезд народных депутатов СССР самораспустился. Формально были соблюдены конституционные принципы, за роспуск проголосовало большинство. Это оказалось возможным благодаря жестким указаниям республиканских лидеров «своим депутатам» и позиции союзного президента. В то время к нему было немало «ходов» от различных депутатских групп, выражавших опасение, что роспуск съезда может стать прологом к ликвидации самого союзного государства: лишенное головы, оно долго не продержится, станет легкой добычей сепаратистов. Горбачев успокаивал, говоря, что это вынужденное решение, речь идет о компромиссе, Съезд уходит с исторической арены, выполнив свой долг; поскольку теперь республики признают необходимость подписания Союзного договора, за судьбу Союза можно не тревожиться, народные депутаты СССР

как бы отдадут свой статус на алтарь Отечества, давая возможность Госсовету возродить Союз уже в новом, федеративном качестве. К тому же страна не останется без высшего законодательного органа, поскольку Верховный Совет СССР будет продолжать выполнение своих функций.

Думаю, последний аргумент производил решающее впечатление. Нет оснований беспокоиться, создана ведь еще одна линия обороны — так, наверное, мыслили народные представители. А тех, кто цеплялся за депутатские права и привилегии, утешили обещанием привлекать к работе республиканских парламентов. Их, разумеется, обманули, как обманули во многих отношениях и самого Горбачева.

<...> После опубликования сообщения из Беловежской Пущи о том, что президенты трех славянских республик подписали соглашение о создании «Содружества Независимых Государств», мне домой (было воскресенье) позвонил Горбачев и попросил подготовить ему выступление, в котором «должны быть проставлены все точки над “и”, прямо и без обиняков сказано о роли Кравчука и других участников Минских соглашений». Перед встречей с Ельциным и Назарбаевым он опять позвонил и спросил в несколько необычной для себя манере: «Что будем делать?» Я сказал, что подготовил текст заявления, которое завершается предложением созвать Съезд народных депутатов и провести референдум. Михаил Сергеевич согласился. С 12 часов того же дня он засел сначала с Ельциным и Назарбаевым, а затем с Муталибовым³¹ и Председателем Верховного Совета Таджикистана Набиевым³². В 16.30 президент собрал советников и специалистов. В. Яковлев³³, Ю. Калмыков³⁴, С. Алексеев³⁵ высказались за то, чтобы союзные структуры продолжали выполнение своих обязанностей.

Развернулась дискуссия в отношении того, как отреагировать на беловежскую сенсацию. Большинство считало, что промолчать нельзя, три человека не вправе решать судьбу Союза. Были и предостережения: не торопиться, не пороть горячку. Горбачев рассказал о своем разговоре с Ельциным 5 декабря.

— Я предъявил ему развернутую аргументацию в пользу Союза. Он рассуждал: может, заключить договор на 3–5 лет, Украина ограничится участием в экономическом сообществе; а может быть, создать славянский союз? Я ему сказал, что этот вариант не следует выдвигать. Если уж он и выплывает, не афишировать. Кто первым призвал независимость Прибалтики? И смотри, что они теперь делают с армией, какие решения принимают по гражданству. Борис Николаевич согласился, добавив, что особенно сволочную позицию заняла Латвия. Я ему сказал, понятно почему, там ведь

население примерно 50 на 50, они и стараются «выжить» как можно больше русских. Словом, вроде бы разговор был неплохой. Но он ушел, и не было уверенности, что будет держаться, как условились. Я уже тогда знал, что его окружение подготовило текст соглашения о славянском сообществе. И вот теперь случилось. В последнем нашем разговоре Ельцин оправдывался, что он пытался продвигать несколько вариантов, а Кравчук все их отклонял — и заключение договора на 4–5 лет, и ассоциированное членство Украины, и славянский союз... Начал упрекать меня за то, что трижды в день переговариваюсь с Руцким. На это я ему говорю, что это обычный разговор у нас внутри, в Союзе. А вот Президент России по несколько раз в день переговаривается с американским президентом.

Он вспыхнул: «Будете так продолжать, я уйду!» От государства не уйдешь, сказал я ему. Вы собрались втроем. А кто вам дал такие полномочия? Госсовет не поручал. Верховный Совет не поручал, народ окончательно запутали.

«Ничего, — сказал Ельцин, — содружество будет работать. А вы вот всем недовольны».

Далее, продолжал Горбачев, я ему постарался показать полную несостоятельность Минского соглашения. Он хватался за сердце. Я ему сказал: знаешь, Борис, это товарищеский разговор, я тебе привожу все доводы, которые будут приводиться другими. Нужен референдум, пусть сам народ решит. Он ответил: «Выдвигайте свои позиции, только не надо личной брани». Я в ответ: никогда этим не занимался. Говорил по телефону с Назарбаевым. Он хватается за голову: «Я шел на выборы с одним лозунгом — за Союз».

<...>

Дальнейшее известно. Сначала Верховные Советы трех славянских республик ратифицировали Беловежское соглашение, затем к ним присоединились пять среднеазиатских и Армения. Явно неконституционный акт, который многие с полным основанием называли государственным переворотом, получил легитимацию. Высшие органы власти практически всех республик, подписавших в свое время Союзный договор (за исключением Грузии), конечно же, имели право его денонсировать. Так просто завершилось 70-летнее существование Советского государства. 24 декабря. Горбачев встречается со своими советниками, помощниками, руководителями отделов и служб аппарата Президента. Вот что он нам сказал: — Процесс преобразования Союза должен завершиться в конституционном русле. После ратификации Договора о СНГ всеми республиками Верховному Совету не останется ничего иного, как самораспуститься. Завтра я собираюсь

выступить с заявлением. Моя позиция остается без изменений. Нужно продолжить реформы, сохранить завоевания демократии. Стране нужна союзная государственность, жаль, что этот процесс не удалось подвести к успешному завершению. После путча я приложил максимум усилий, чтобы добиться подписания Союзного договора, но настроения против Союза были уже необратимы. Четырнадцатого ноября разговор доходил до самых высоких отметок. Положение осложнилось в результате референдума на Украине, позиции ее руководства. Я стремился, чтобы в результате наших усилий родилось нечто жизнеспособное, и не сомневаюсь, что центристские тенденции будут теперь нарастать. Будущее содействовать реформам и добиваться согласия в обществе. Народ в тяжелейшем состоянии, надо помочь ему быстрее встать на ноги. Это сейчас высший национальный приоритет. Что касается нас с вами, то органы Президента прекратят свои функции со 2 января. Из Кремля надо уходить 29-го. За два месяца все будут трудоустроены. Для этой цели создается комиссия под совместным руководством Г. И. Ревенко и Ю. В. Петрова³⁶. Я перейду к общественной деятельности, в Международный фонд социально-экономических и политологических исследований.

Горбачев в те дни получал много обращений от людей, для которых невыносима была сама мысль о возможности распада страны. В его приемной толпились депутаты, ежедневно поступали требования от коллективов и граждан принять меры к спасению Союза, от военных — с выражением готовности выполнить любой приказ Главнокомандующего. Он должен был принимать решение, отдавая себе отчет в его последствиях. Созвать Съезд народных депутатов, призвать к сопротивлению сторонников сохранения целостности страны, объявить недействительным соглашение, ратифицированное парламентами? Неминуемая гражданская война. Пойти на это он не мог, хотя сознавал, что на него вместе с Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем будет возложена главная ответственность за развал Союза. Отчаянно пытался не допустить этого. Уговаривал, убеждал, предостерегал; в ряде случаев, вопреки своему принципу ненасилия, закрывал глаза, когда его соратники на свой страх и риск пытались силой подавить сепаратизм; произносил пыльные речи, призывая не изменять памяти предков, которые веками собирали страну и защищали ее, общими усилиями создали великую уникальную культуру. Увы, все усилия оказались тщетны. Им же введенные гласность и демократия дали развернуться национальным движениям и политическим силам, которые в конце концов разодрали страну на части. И оставалась только надежда, что она опять склеится.

«Все-таки СНГ лучше, чем ничего», — со вздохом сказал Горбачев в одном из своих последних интервью. В обращении к главам суверенных государств, своего рода политическом завещании, президент сказал о необходимости сохранить единство Вооруженных Сил как гарантию безопасности государств, входящих в Содружество, и сохранения контроля за огромным ракетно-ядерным арсеналом СССР. Указывал на важность скоординированной внешней политики. Значительная часть послания затрагивала проблему гражданских прав, столь острую на территории страны, где четвертая часть населения, 75 миллионов человек, живет на территории инонациональных республик. Горбачев призвал создать «общее гражданское пространство», предусмотреть единые социальные гарантии на всей территории бывшего Союза. Упомянул и о необходимости взаимных обязательств по дальнейшему продвижению демократических реформ. Лично у меня вызывает особое сожаление, что руководители суверенных государств не сочли возможным принять совет и назвать новое образование «Содружеством евро-азиатских государств». В наименовании СНГ отсутствует «геополитическая привязка». Определение «евро-азиатское» подчеркивало бы уникальную особенность нашей страны, столетиями бывшей мостом между двумя великими континентами и цивилизациями.

